

Станислав
СЕНЬКИН

АФОНСКИЕ
рассказы

Станислав Сенькин

Афонские рассказы

«Яуза»

2017

УДК 281.93
ББК 86.372

Сенькин С. Л.

Афонские рассказы / С. Л. Сенькин — «Яуза», 2017

ISBN 978-5-906716-69-9

«Вообще-то к жизни трудно привыкнуть. Можно привыкнуть к порядку и беспорядку, к счастью и страданию, к монашеству и браку, ко множеству вещей и их отсутствию, к плохим и хорошим людям, к роскоши и простоте, к праведности и нечестивости, к молитве и празднословию, к добру и ко злу. Короче говоря, человек такое существо, что привыкает буквально ко всему, кроме самой жизни». В непринужденной манере, лишенной елтя и поучений, Сергей Сенькин, не понаслышке знающий, чем живут монахи и подвижники, рассказывает о «своем» Афоне. Об этой уникальной «монашеской республике», некоем сообществе святых и праведников, нерадивых монахов, паломников, рабочих, праздношатающихся верхоглядов и ищущих истину, добровольных нищих и даже воров и преступников, которое открывается с неожиданной стороны и оставляет по прочтении светлое чувство сопричастности древней и глубокой монашеской традиции. Наполненная любовью и тонким знанием быта святогорцев, книга будет интересна и воцерковленному читателю, и только начинающему интересоваться православием неофиту.

УДК 281.93
ББК 86.372

ISBN 978-5-906716-69-9

© Сенькин С. Л., 2017

© Яуза, 2017

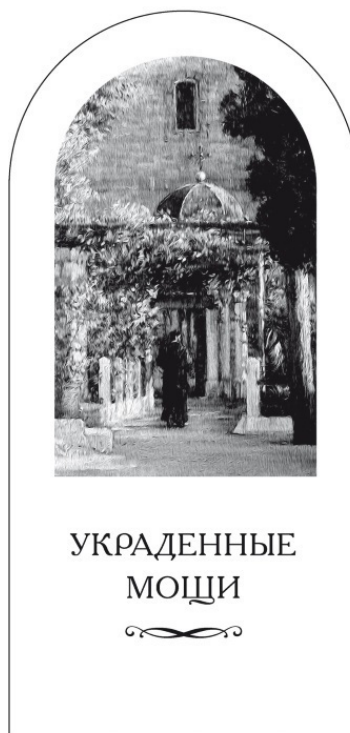
Содержание

Украденные мощи	6
От автора	6
Тяжелый характер	8
Плыви в направлении ветра	14
Украденные мощи	19
Илья	25
Легенда о вампире	29
Змеи	38
Пьяница	44
Только одна Женщина	49
Туман над Афоном	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Станислав Сенькин

Афонские рассказы

Украденные мощи

От автора

Все представленные ниже рассказы объединены одной темой. Этой темой является Святая гора Афон. Когда православный человек вспоминает Святую гору, его сердце переполняется благоговейными эмоциями. Каждый хоть один раз мечтает совершить паломничество на Святую гору и увезти оттуда вместе с привычными сувенирами часть неповторимой афонской духовности.

Могу вас уверить, для русского человека Афон еще важнее, чем даже для грека. Если для греческого народа он часть их истории и культуры, то для русского, может быть, еще и по причине его отдаленности от нашей родины, Афон символизирует некое «второе небо», священное пространство, где обитают святые. Этот идеал дает православным людям уверенность, что земля еще держится, раз Афон еще не ушел под воду. И в этом не только духовное, но и социальное значение Святой горы.

Мне бы не хотелось разочаровывать читателя своим восприятием Афона, я не буду говорить о созерцательности святых и о многих духовных вещах. В общем-то, сам я не духовный человек. Кому-то мои рассказы могут показаться приземленными, но для меня принципиально важна та идея, что Афон – это место обитания не только святых, но и многих других людей, чьи, может быть, грубые недостатки не позволяют увидеть великое богатство их духа.

Если мы описываем лишь святых Афона, мы делаем его портрет неполным. Каждый монах, даже пусть и нерадивый, каждый паломник, вступающий на святую землю, становится

частью этой святой земли. Она занимает уголок в его сердце, а его имя навсегда записывается где-то на невидимых хартиях святогорской истории.

Для меня Афон является некоей законченной полнотой, и все его несовершенства загадочным образом влекут все целое к гармонии. Поэтому я не хотел ретушировать Святую гору, как старую красавицу, нанося грим на участки поврежденной кожи. Это было бы неправильно – выставить Святую гору перед вами, как пожилую леди перед судьями, которые скрупулезно разглядывали бы, сохранилась ли в ней часть той духовной красоты, что вдохновляла на подвиги многих монахов других поколений.

С другой стороны, мне не хотелось бы, в угоду времени, обнажать все неприглядные детали, которые, если их умело подать, могут вызвать отвращение.

Основной моей целью было донести ту правдивую динамику афонской жизни, которая со временем превращается в историю, а история уже налагает свой отпечаток на отвердевшее прошлое.

Сам Афон ни в коем случае не стыдится своей истории, потому что он ни в чем не нуждается – ни в одобрении людском, ни в порицании. Как настоящий монах, он не зависит от мнений всего мира. Вот только мы сами нуждаемся в нем. Нуждаемся в его молитве, в том, чтобы он вообще был на нашей грешной земле.

Мой Афон – это сообщество святых, праведников, нерадивых монахов, паломников, рабочих, праздношатающихся верхоглядов и ищущих истину, добровольных нищих и даже воров и преступников. Все они составляют некое сообщество, в котором Дух Святой управляет все к общему благу.

Молюсь Матери Божьей и прошу Ее, чтобы все написанное послужило на благо как читателям, так и автору.

Тяжелый характер

– Если бы люди на большой земле знали, как труден и скорбен путь афонского монаха, никто бы тогда не шел подвизаться, но если бы все, хотя бы на минуту, ощутили блаженство, ожидающее воинов Христовых после смерти, наверное, не осталось бы на земле людей, которые не захотели бы стать монахами. – Григорий всегда повторял про себя это изречение одного великого старца, когда наступала пора искушений. А искушения приходили довольно-таки часто. Он принял монашество сравнительно недавно – два года назад, был еще молод и обладал достаточно жестким и весьма неприятным для окружающих характером. Григорий родился в Афинах и был единственным ребенком своих богатых родителей, которые в свое время избаловали его донельзя. Сейчас это все выходило ему боком.

Отцы чувствовали железное сердце Григория и старались смягчить его всевозможными колкостями, причиняя молодому монаху при этом огромные душевные мучения. Почти с завистью глядел он на тех послушников, которые были кроткими в общении и смиряться под игом послушания. Для Григория же любое слово, сказанное повелительным тоном, превращалось в бич, которым его загоняли, как какого-то паршивого мула в стойло.

– Отец! Живо пойди и отнеси эту муку на склад! – Пожилой монах Гervasий был в монастыре келарем уже пятнадцать лет, и Григорий, по постановлению собора старцев, находился этот год у него в послушании. Раз в две недели они вместе ездили в Салоники за продуктами, при этом часто ссорясь, как и сейчас.

– Отец Гervasий, можно говорить со мной немного повежливей, я уже знаю, что эту муку нужно на склад. Необязательно говорить со мною в таком тоне.

Когда Григорий начинал выстраивать свою психологическую оборону, старый монах обычно замолкал – такова была его стратегия. Но уже через пять минут, когда конфликт казался исчерпанным, Гervasий снова принимал привычный стиль общения, и Григорию оставалось только смиряться.

– Ты что, не видишь, как ты просыпал крупу?! Возьми веник и аккуратно замети ее – бережливость одна из главных добродетелей монаха. – Старый монах указал на горстку гречки, лежащей на дне салона микроавтобуса, новенького «Мерседеса», на котором они справляли свое послушание. – Вон там, рядом с ящиком помидоров. – Он театрально покачал головой. – Эх ты! Сколько тебя можно учить?

– Да где там что просыпалось, отец?! Это всего лишь шелуха из мешка – буду мыть машину, тогда и вымету отсюда всю грязь.

– Я тебе сказал, выполняй послушание – выметай ее сейчас же и не вздумай выбрасывать эту гречку в мусорный бак, а засыпь ее обратно в мешок. Когда ты научишься жить по-монашески?! Монах должен быть бережливым.

– Да хватит меня уже смирять, отец! – Григорию казалось крайне унижительным выполнять, как ему казалось, нелепые приказания старого монаха. – Тебе ведь не столько важна эта гречка, сколько ты хочешь поддеть меня. Но если, как вы говорите, я такой гордый, зачем вы, зная все это, продолжаете мучить меня своими нападками!

– Ой-ой, сколько пререканий на одно маленькое замечание. Иди отдыхай, Григорий! Я сам все сделаю. Иди с Богом. – Гervasий попытался улыбнуться и пошел на кухню за веником.

«Опять я оказываюсь в дураках, а Гervasий чуть ли не святой! Если бы он ничего не говорил мне, было бы все нормально. А сейчас у меня нет душевного мира, теперь весь день стану об этой стычке думать и переживать. Уж лучше уйду в пустыню, буду жить один». – Григорий пошел в свою келью и, присев на кровать, достал свои четки и начал усердно молиться. Но молитва почему-то не шла. – «А как же другие все переносят?» – Григорий даже не представлял себе, как эти святые мужи из патериков выносили сильнейшие оскорбления и униже-

ния с улыбкой на лице, да еще и молились со слезами за своих обидчиков. Возможно ли это? Объемистые книги патериков и житий святых значили для него одну из двух вещей: либо он сам настолько слаб, что не может повторить и сотой доли того, что переживали эти великие отцы, либо их жизнеописатели несколько преувеличивали.

Молодой неопытный монах решил обратиться по этому вопросу к духовнику обители – почтенному старцу Евфимию, поделиться своими сомнениями и получить взамен вразумление и добрый совет.

После окончания вечерни он договорился с ним о беседе и, выстраивая в уме предстоящий диалог, пошел на трапезу...

– Что ты хотел спросить у меня? – Отец Евфимий был очень добрым, благообразным и рассудительным монахом. Его любили все, и слово его редко кто осмеливался нарушить. Сейчас они, после повечерия, стояли на левом клиросе в соседних стасидиях и беседовали.

– Я не могу понять, почему Господь призвал меня в монахи? Как ни стараюсь я смирить себя, ничего у меня не выходит. Даже на маленькие замечания я реагирую нетерпеливо, а иногда даже и злобно. С таким характером, как у меня, можно жить только в пустыне, подобно дикому зверю. Пусть я никого не трогаю, и меня пусть никто не трогает. А иначе, отче, я больше не могу – сердце мое изнемогает от постоянных обид. Я понимаю, что это неправильно, но ничего не могу с этим поделать.

Отец Евфимий подумал немного и размеренно, как бы вкрадчиво, начал свое вразумление:

– Ты понимаешь, какое дело, Григорий, смирение и кротость – добродетели разного порядка. Кротким может быть не каждый. И даже, я тебе скажу, далеко не каждый. А вот смириться под силу всякому человеку.

– Да, но ведь смирение – это именно кроткое перенесение обид без какой-нибудь потери душевного мира. А я и обид не переношу, и душевный мир теряю. Какое же тут смирение!

Отец Евфимий продолжил:

– То смирение, о котором ты говоришь, – это дар Божий и признак святости. Человеческими силами такое смирение не стяжать. Мы можем только своими делами показать Богу свое произволение и желание прийти в такое состояние, а уж только от Него зависит, кому раздавать Свои благодатные дары. Но, помимо смирения-дара, есть еще и смирение-делание, когда мы принижаем себя как в собственных глазах, так и в глазах других людей. И даже если ты, Григорий, не можешь смириться с нудными поучениями отца Гервасия, ты можешь, по крайней мере, смириться с тем, что ты никак не можешь с ними смириться.

– Я не силен в таких вещах, отче. – Григорий стал жалобно просить духовника благословить его на пустынножительство. – Там мне будет спокойней – исихия¹. Буду плести четки и есть свой скудный хлеб, молясь Христу в глубокой тишине.

– Понимаешь, какое дело, – отец Евфимий всегда пребывал в каком-то покое, в другом состоянии духа Григорий пока его не видел, – то, что ты осознал свою неспособность к послушанию, – это признак смирения. Но твое стремление в пустыню есть признак уже демонической гордости. Ты хочешь убежать сам от себя, от своей неспособности смириться.

– От боли!

– Да, и от боли тоже. – Духовник вдруг стал говорить еще более вкрадчиво: – Григорий, я хочу открыть тебе одну тайну, но ты должен пообещать, что никто об этом не узнает.

Заинтригованный монах сразу согласился:

– Конечно, отче, я буду нем, как могила.

---

¹ Этико-аскетическое учение о пути человека к единению с Богом через очищение сердца слезами и через сосредоточение сознания в себе самом; для этого была разработана система приёмов психофизического самоконтроля, практика молитвы Иисусовой.

– Так вот, слушай. Недавно мне было от Господа откровение о самых смиренных людях Афонской горы. Увиденное так поразило меня, что я вначале даже усомнился в божественном источнике этого откровения. Но затем все стало на свои места. – Отец Евфимий вдруг задумался, словно что-то вспоминая. – Так вот, на вершине этой святой пирамиды стоит отец Богдан – македонец, который живет в Кавсокаливии, в келье великомученика Димитрия Солунского. Я давно его знаю, Григорий, он плетет четки, зарабатывая этим на жизнь. Мне бы хотелось, чтобы ты немного поучился у него настоящему смирению, поэтому я отправлю тебя к нему с одним личным поручением.

– Здорово! – Григорий полностью отошел от своих скорбей и уже представлял себе встречу с самым смиренным афонским подвижником, а может быть, одним из самых смиренных людей мира. Великая благодать!

Духовник вытащил из кармана рясы сто евро и медленно передал деньги Григорию:

– Завтра бери благословение у игумена и поезжай в Кавсокаливию. Скажи отцу Богдану, что я хочу купить у него четверо четок. Теперь иди в келью, уже поздно, – он опять задержал его на мгновение, взяв за рукав. – Правило-то выполняешь?

– Конечно, все так, как вы мне и назначили: семь четок с поклонами.

– Ну, хорошо, иди, дорогой.

– Благословите, отец! – И Григорий радостно пошел в свою келью, думая о завтрашнем дне.

На следующее утро молодой греческий монах – обладатель скверного характера, получив благословение игумена, сел на паром и отправился в скит Кавсокаливию учиться смирению. Паром плыл вдоль святого полуострова, и монах наслаждался прекрасным видом афонских монастырей и скитов, окруженных зеленой растительностью. Кавсокаливия была последней остановкой, и плыть нужно было еще долго. Григорий заметил одного знакомого сиромашу² – русского монаха, уже целый год ходящего по горе от монастыря к монастырю.

– О! Здравствуй, Николай, как твои дела?

– Очень хорошо, как у тебя? – Николай плохо говорил по-гречески и знал только самые простые фразы.

– Да нормально. Ты сейчас куда?

– В Григориат. А ты куда? – Они говорили громко, перекрывая шум ревущего мотора.

– Я в Кавсокаливию к отцу Богдану, знаешь такого?

Николай, похоже, удивился:

– Да кто ж не знает этого злого монаха?

– Злого?! – Григорий подумал о том, как велика зависть дьявола. самого смиренного человека Афона какой-то русский проходимец зовет злодеем. – Молчи уж лучше, Николай, ты уже и сам, как я гляжу, обозлился. Езжай-ка лучше обратно в свою Россию. Что вы все рветесь сюда, как будто у вас там Бога нет?!

Николай, обидевшись, наспех попрощался с ним и отошел в другую сторону парома, а Григорий, уже укорявший себя за вспыльчивость, погрузился в молитву...

Наконец, паром подошел к последней пристани. Седовласые старцы с мулами, нагруженными всевозможными тюками, молодые послушники с торбами, рабочие и восторженные паломники – все смешались на выходе с катера в одну разнородную толпу. Григорий спросил у одного вежливого схимника, у которого был на удивление спокойный навьюченный мул, где тут в скиту находится келья великомученика Димитрия. Получив исчерпывающий детальный ответ, он улыбнулся, поняв, что отец Богдан достаточно известный монах, а может быть, и

---

² Сиромашество – особый вид афонского монашества. Представители его не имеют никакого жилища, ночуют часто под открытым небом, питаются сухарями, которые раздадут в монастырях для подобных бедняков.

почитаемый старец, – странно, что раньше он ничего о нем не слышал. Поблагодарив схимника и сжав покрепче посох, Григорий стал подниматься по древним каменным ступенькам.

Без труда найдя эту келью, Григорий постоял немного, собираясь с духом, и постучал в дверь с непрерывной молитвой: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» Никто к двери не подходил, и Григорий повторил свою попытку:

– Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. –

Он, наконец, услышал шаркающие шаги.

– Кого там лукавый опять принес?! Чего надо?!

Григорий подумал, что таким образом старец скрывает свои добродетели от мира, от таких праздношатающихся верхоглядов, как Николай. Конечно, мир отвечает ему завистью, ненавистью и презрением.

– Я из Ксенофонта, монах Григорий. Приехал по поручению отца Евфимия.

– Евфимия? Что этому старику от меня надо? – Отец Богдан слегка переждал изумленное молчание, словно молния, разорвав стереотип собеседника новым выпадом: – Чего ты теперь заткнулся?! Я тебя спрашиваю, сынок, что этому старику от меня надо?!

Григорий понял, что так отец Богдан его проверяет на смирение, и решил терпеть все до конца.

– Он хотел бы приобрести у вас несколько четок, отче!

В ответ наступила короткая пауза. «Перед бурей», – подумал Григорий.

– Четок? Ну ладно, сейчас, подожди. – Старец, то и дело разражаясь проклятиями в адрес замка, открыл скрипучие двери. – Заходи быстрее, у меня мало времени.

Григорий посмотрел в лицо отца Богдана: оно было красным, с маленькими злыми глазками, большая нечесаная седая борода окаймляла подбородок, грязные грубые кисти рук теребили сальный подрясник.

– Чего уставился, олух?! – Старец резким взмахом связки ключей указал на стол с низенькой скамейкой. – Сядь туда! Лукума у меня нет, если хочешь жрать, вынесу тебе пряники. Ты хочешь жрать?

– Нет-нет, отче, я не голоден.

– Отлично! Воду можешь набрать вон в том кранике, стакан рядом, сиди тихо, молись, а я пока вынесу товар. – Старец зашел в келью и долго шумел, недовольно ругая дьявола, отца Евфимия и его самого весьма сочными выражениями, которые Григорий слышал в Афинах от уличной шпаны уже так давно, что и позабыл, как они звучат. Через десять минут старец, ежесекундно чертыхаясь, вышел, держа в руках связку четок разных цветов и длины. Он бросил эту горсть на стол и грубо спросил:

– Сколько хотел заказать старик Евфимий?

– Четверо четок.

– Так мало? Стоило ли посылать тебя из-за ерунды в такую даль? Мой тебе совет, малец, держись подальше от этих духовников – от них одна беда. Когда я был молодым послушником, гораздо моложе, чем ты теперь, то есть четырнадцати лет от роду, один известный святогорский духовник прилюдно возмутился, что такие молодые безусые юноши, как я, спокойно разгуливают по горе, соблазняя монахов. Не выдержав оскорбления, я вцепился ему в бороду и вырвал густой клочок волос. – Старец при воспоминании об этом инциденте воспламенился гневом; казалось, что краснота его лица перейдет сейчас на бороду и она загорится. – За это меня чуть не упрятали за решетку и удалили с горы, но я вновь пробрался сюда тайно и жил в ущельях и пещерах шесть лет. Как дикий зверь, я выходил ночью на промысел, воруя еду и одежду... Никто не хотел меня принимать в монастырь, потому как на третий день, максимум через неделю, я устраивал в обители жестокую драку. Полицейские так зауважали меня, брат, что при встрече до сих пор отдают честь. Но, как ты уже успел понять, меня, старика, никто не любит. Послушники у меня держатся самое большее два часа. – Отец Богдан немножко рас-

строился. – Но мне они и не нужны, эти послушники-лентяи, все бы им есть и спать. Смирения у них – ноль, потом только ходят и порочат меня по всему Афону. – Отшельник махнул рукой и смачно выругался. – Сколько раз лаврские старцы хотели выгнать меня отсюда, с горы, с этой кельи, если бы ты знал! А какие подлости вытворял прежний дикей³! О! Тем не менее я на Афоне вот уже шестьдесят лет, малец. – Старец казался гордым, оттого что он все еще живет здесь и, несмотря на преклонный возраст, сам ухаживает за собой. – Ну, ладно, заболтался я с тобой, давай деньги, получай товар и уматывай отсюда, мне пора молиться Богу.

Григорий вытащил сто евро и принялся выбирать из предложенной ему разноцветной кучи четверо четок для отца Евфимия; он уже почти выбрал самые красивые, когда услышал дикий вопль разгневанного старца:

– А! Подонок! Ты думаешь, что я стар и меня можно так легко обмануть?!

– В чем дело, отец Богдан? У меня и в мыслях не было вас обманывать. – Молодой монах уже спрятал свой скверный характер в самую глубину своего сердца, испугавшись дикого гнева старца, способного, по всей видимости, даже дать волю рукам.

– Евфимий хорошо знает, что мои четки стоят сорок евро! Где еще шестьдесят? Решил, видно, припрятать себе! Ну, смотри, я тебя проучу. – Старец занес над монахом свой буковый посох так решительно, что Григорий подумал, что он расколется его голову, как орех.

Вспомнив, что у него как раз была заначка в шестьдесят евро, на которую он хотел купить компакт-диски с песнопениями в исполнении хора Ватопедского монастыря, Григорий взмолился:

– Отче, наверное, я все перепутал, деньги здесь, в кармане... – Он вытащил несколько мятых купюр, которые старец вырвал из его рук и, смяв, бросил на землю.

– Поздно, брат! Не выкручивайся теперь, как змей, надеясь уйти от справедливой расплаты. Возмездие вора – мой посох! – Старец замахнулся своей дубиной, и Григорий почти распрощался с жизнью.

– Не бейте меня, отче! Я больше не буду воровать.

– Я тебе не верю!

– Обещаю, Богом клянусь!

– Ах! Ты еще, как я погляжу, любитель произносить имя Божие всуе. Так получай же, подлец, – и старец обрушил на привыкшую к поклонам монашескую спину свой тяжелый посох...

После экзекуции Григорий, охая, забрал четки и быстро направился к выходу:

– Спасибо вам, отче, за науку.

– Не язви, а то опять схлопочешь. А Евфимию передай, чтобы никого больше ко мне не присылал, я уже, кажется, говорил ему об этом. А то мне придется лично прийти к нему и все объяснить. – Старец стал руками подталкивать Григория к дверям. – Давай-давай! Не пытайся меня разжалобить, не на того напал.

– А что, я уже не первый, кого посылает отец Евфимий? – задал тот свой последний вопрос.

– За последние десять лет ты уже, кажется, шестой. – Отец Богдан уже закрывал дверь. – Да, и еще! Если ты когда-нибудь увидишь меня на пароме, в Карьесе или Дафни, не вздумай ко мне подходить, здороваться или брать благословение – проучу так, что будешь вечным посмешищем. Все, проваливай!

Григорий, крича от боли, пошел в скитскую гостеприимницу. Архондаричный⁴ ласково принял его, угостил обедом и спросил:

– Что, был у старика Богдана?

– Да, а как вы узнали? – Проученный монах с удивлением посмотрел на архондаричного.

---

³ Выборный начальник скита.

⁴ Ответственный за монастырскую гостиницу.

– Это достаточно легко, отец. Не переживай, я все прекрасно понимаю. Сколько лет мы хотим приструнить этого бесчинника. Прежний дикей чуть не добился своей цели, но игумен лавры сказал – пусть уже этот злобный старик доживает век в своей келье, и благословил его причащаться в нашем Кафоликоне. Так что мы терпим его каждое воскресенье, можешь себе представить?

На следующий день Григорий сел на паром и поехал в монастырь. Прибыв в родные стены, он сразу пошел к духовнику за объяснениями.

Отец Евфимий отдыхал в своей келье, когда он пришел к нему. Услышав молитву, духовник открыл свою дверь и неожиданно сделал перед Григорием земной поклон. Монаху стало неловко, и он подивился как мудрости, так и смирению монастырского духовника. Затем старец пригласил его войти:

– Григорий, прости меня...

– Нет-нет, отче, это был для меня хороший урок. Я только хочу вашего разъяснения. – Взяв иерейское благословение и передав ему купленные четки, он замер в ожидании ответа.

Духовник протянул Григорию синюю бумажку в двадцать евро и отдал одни из четок отца Богдана:

– Возьми эти чудесные четки, отец. И когда будешь по ним молиться, помни, что отец Богдан уже шестьдесят лет живет и мирится со своим жутким характером. Несмотря ни на что он живет на Афоне и молится Богу. А ты, имея уж куда более покладистый характер, через два года приходишь в уныние. Имей ты хоть сотую часть смирения отца Богдана, ты бы терпел собственные недостатки так же легко, словно бы они были чужими. Так что, дерзай.

Григорий опустил голову, теперь ему стал ясен смысл урока.

Плыви в направлении ветра

Одного лишь хотел сегодня старый Димитрис: наловить побольше рыбки, чтоб подкрепить свои увядшие душевные силы. Он любил рыбалку больше жизни и быстро хирел, когда сидел в своей квартире в Салониках, как в коробке из-под конфет, тая от жары и скуки. Рыбак со стажем, Димитрис прекрасно знал море, все его капризы и легко читал знамения небес, с удивительной точностью определяя погоду на следующий день. Он не был очень верующим человеком, но, как и некоторые другие греческие рыбаки, заходил в храм перед каждым выходом в море и ставил свечу святому Иоанну Предтече – покровителю мореплавателей. Креститель Господень заведовал всеми морскими делами, давал попутный ветер, хорошую или плохую погоду, а также удачный улов рыбакам. Еще, по совету священника папы Костаса, Димитрис ставил свечи Николаю Чудотворцу и святому Фоке.

Однажды он даже видел в утреннем тумане святого Фоку, как его живописуют на иконах, в митре и полном святительском облачении. Святитель смело ходил по водам на расстоянии ста метров от катера и посохом указал ему путь к берегу. Димитрис старался об этом никому не рассказывать, так как боялся насмешек со стороны друзей – выдавших виды, просоленных рыбаков, не веривших ни во что, кроме моря и удачи. Но его простая душа все же тянулась к познанию духовных вещей. Приятно чувствовать, что ты в море не один и тебя непрерывно охраняют невидимые святые силы. С такой верой ты и сам становишься сильнее.

Два месяца назад Димитриса пригласили на святую гору Афон, чтобы он обучил молодых монахов рыбной ловле. Ему нравился Афон, здесь было тихо, и он мог отдохнуть от своей старухи, которая, правда, часто звонила ему на мобильник, осведомляясь о его здоровье и докладывая о личной жизни их соседей.

Монастырь святого Павла, в котором сейчас жил старик, был самым крайним на западной стороне полуострова, ему на юге горы принадлежало больше всего земли после Великой лавры. Примерно с этого места начинается подъем на саму гору Афон. Старцы говорят, что отсюда начинается так называемый алтарь Святой горы. Самые великие отшельники и подвижники жили в этих горных лесах, до сих пор хранящих множество тайн и загадок, оставленных святыми. И разгадать их может только тот, кто изучит науку послушания и поймет язык молитвы.

Димитрису Афон напоминал маленькую страну с городами-монастырями, селами-ски-тами и небольшими хуторами одиноких келий. Казалось, что Святая гора – даже не родная Греция, а нечто большее, молитвенный центр всего мира. Конечно, старик мало разбирался в духовных вещах, но зато чувствовал особенность святой земли своим добрым сердцем и целовал стены монастырских храмов от внезапно находящего умиления. Здесь неподалеку на монастырской земле находился Неоскит, а остальной алтарь Святой горы принадлежал Великой лавре.

Как гласит святогорское предание, два знаменитых игумена Афанасий Великий и Павел Ксиропотамский решили поделить землю возле самой горы и никак не могли договориться о границах. Споры шли долгое время, и наконец святой Афанасий предложил своеобразный выход из положения. Они со святым Павлом договорились, что оба после завершения литургии, каждый в своем монастыре, пойдут навстречу друг другу. На месте их встречи и будет новая граница, установленная на веки вечные.

Как рассказывают некоторые старцы, Афанасий закончил литургию раньше и быстрыми шагами – а он был рослый человек – пошел на запад. Святой Павел, положившись на волю Божию, благоговейно отслужил литургию, неторопливо выслушал благодарственные молитвы и пошел, непрерывно произнося устами имя Сладчайшего Иисуса, навстречу сопернику. Он был гораздо меньше по росту, и поэтому граница разделила монастырские земли достаточно неравномерно. До сих пор самый крупный святогорский землевладелец – Великая лавра. Свя-

той Павел, несмотря на хитрости Афанасия, смиренномудро признал эти границы, и бывшие соперники стали друзьями. И в наши дни паломники, пробирающиеся лесными тропками в лавру, могут видеть лежащее на пути огромное каменное четвероевангелие, которое долгие годы служило пограничным столбом.

Димитрис распутывал сети с двумя веселыми монахами. Рыбы попало не так уж много, с трудом набралось две больших кастрюли, в основном кефаль и скумбрия. Старик пытался оправдываться, дескать, погода дождливая и ветер северо-восточный, да и место для закидывания сети было не самое благоприятное, но никто его не слушал. Они работали в большом ангаре, где стояли рыбацкие катера; компания подобралась подходящая. Димитрису приходилось рыбачить и с другими, которые почти не разговаривали и бормотали под нос молитву, такая компания была куда скучней. А эти ребята, напротив, любознательные, и им все равно, сколько рыбы было в сетях.

Монашеское восприятие действительности было совершенно другим, чем у старика, который прожил все годы в большом городе и впитал в себя дух рыбацкой среды и прибрежных кафе. Вся его жизнь крутилась вокруг улова – чем больше он поймает, тем сытней будет стол. В миру царил принцип «волка ноги кормят», и царство его было – прочнее некуда.

Психология монаха была, с точки зрения мирянина, гораздо проще – им не приходилось голодать или думать о хлебе насущном. Они выполняли послушание, и не было существенной разницы, сколько они изловят рыбы. Самое главное в греческом монастыре – это выполнять программу. То есть все должно быть в свой черед – делу время, как говорится, и молитве час. Бывало, старец, когда начиналась вечерня, благословлял трудящихся монахов бросать работу и оставлять материалы под дождем, который, залив сухой цемент и свежую кладку, запросто мог испортить весь дневной труд. Но игумен воспитывал их строго. Программа есть программа. Поэтому насельники монастыря, в отличие от старика, большого разочарования от маленького улова не испытывали, как, впрочем, и радости от удачного. Димитрис уже начал понимать это и слегка расслабился. Монахи перебрасывались шутками, и самый старший, которому в октябре должно было стукнуть тридцать четыре, смеясь, рассказывал рыбакам о своем приключении на море:

– Так вот, отцы, тогда как раз разыгралась фортуна... (Фортуной в Греции прозвали сильный южный ветер, который всегда нагонял большую волну. Когда фортуна набирала силу, никто не рисковал выйти в море – погибнешь.) – Волна поднялась до рекордных размеров, и я с другими молодыми послушниками решил посмеяться над стихией. Мы стали прыгать на пристани, и когда волна прилиwała к берегу, мы, глумясь над морским дьяволом, отбегали в сторону, а затем возвращались и дразнили судьбу... или даже искушали Бога. Было весело, адреналин опьянял и толкал на еще больший риск. Мы стояли у мокрой стены склада до самого последнего момента, когда огромный вал водяной толщи готов был обрушиться на наши головы. Неожиданно один из нас подбежал прямо к краю волнореза и начал куражиться. Вода медленно набирала силу, и когда наш отчаянный приятель, одумавшись, наконец решил бежать, волна рванула к берегу и накрыла его. Мы так были заворожены этим, что и оглянуться не успели, как волна заграбастала и нас.

Старик рассмеялся:

– Глупее поступка трудно придумать. Лезть под штормовую волну!

– Вот-вот. После этого случая я два года не мог подойти к морю. Тогда я, честно говоря, думал, что наши жизни столь нелепо и глупо закончены. Когда наши головы показывались на гребне, мы самым жалким образом пытались перекрыть рокот морских волн. Какой-нибудь зоркий человек с берега смог бы различить, как в фиолетовой пучине плавают три футбольных мяча. На наше счастье, именно такой проницательный рабочий вышел полюбоваться стихией; кстати, он был рыбак. Заметив трех барахтающихся в бушующих волнах послушников, рабочий поднял шум, и нас через двадцать минут вытащили.

– А как вас могли вытащить?

– О! Это долгий рассказ. Честно говоря, наши силы были уже на исходе, человек ведь не поплавок, и я уже попрощался с мамой, монастырской братией, отцом игуменом и... Ну, в общем, со всеми. Когда нас, словно новорожденных щенков, вытянули из воды, где нас хотел утопить злобный старик Посейдон, я, например, чувствовал себя заново родившимся. Потом, уже на следующий день, один иеромонах глядел в святцы, и каково было его удивление, когда он увидел, что в день нашего приключения, помимо других святых, праздновалась память очень редкой иконы Матери Божьей «Спасение утопающих».

– Во дела! – Димитрис за всю свою жизнь в миру не слышал о стольких чудесах, как за два месяца рыбалки на Афоне.

– Я нашел эту икону в одном православном журнале и теперь всегда ношу ее с собой. – Отец Агапит показал всем заламинированную икону, и монахи продолжили распутывать сети. Теперь и они желали услышать что-нибудь полезное из уст старика. – Слушай, Димитрис, а ты видел морского дьявола?

– Никогда. Я слышал, что один рыбак с Кассандры однажды, ранним пасмурным утром, встретился с ним нос к носу, когда трал заклинило и невозможно было буксировать, он остановил катер, посмотрел вниз, чтобы выяснить, в чем причина задержки, и прямо остолбенел. Морской дьявол схватил трал своими щупальцами и тянул в пучину. Тогда рыбак побежал в кабину, вытащил карабин и стал стрелять. Спрут ослаб, зыркнул своим громадным глазом и скрылся в зеленых водах. Но я, честно говоря, не очень этому верю, потому что тот парень – большой любитель похлебать винца. Мало ли что померещится спьяну? – Старик сплюнул и осторожно вытащил из сетей длинную дракину. Эта рыба имела три ядовитых шипа на спине, их укол мог быть очень опасен для людей со слабым сердцем; Димитрис осторожно вырвал эти шипы и бросил рыбу в кастрюлю.

– А я вот прочитал в дневниках одного брата, что морской дьявол в прошлом веке чуть не затащил его в глубины залива. – Агапит был еще и монастырским библиотекарем. Он часто копался в архивных бумагах и знал много различных историй. – Тот монах, как и мы, рыбачил у берегов Афона на простой лодке, и вдруг, когда он вытаскивал сети, на него набросился огромный спрут и, схватив брата огромными щупальцами, потащил его вниз, в пучину. Видимо, в то время такие нападения были не в диковинку, и каждый рыбак знал правила поведения при встрече с морским дьяволом. Монах не бился как сумасшедший в лапах чудовища, потому что чем больше ты сопротивляешься спруту, тем сильнее он сжимает тебя в своих объятьях. Он, напротив, обмяк, притворившись мертвым. Спрут, подумав своей глупой головой, что жертва погибла, ослабил хватку, и монах, воспользовавшись моментом, вытащил из сапога нож и с силой вонзил его морскому дьяволу в огромный единственный глаз. Спрут пошел ко дну, на корм для рыб, а монах выплыл на поверхность и забрался в лодку, непрерывно хваля Бога.

– По-по-по! Это был смелый монах! – Димитрис восхищенно поцокал языком. – Я бы, наверное, совсем бы растерялся при таком нападении. Однажды меня ударил хвостом по ноге электрический скат, так я две недели лечился различными травами и мазями. Потом некоторое время боялся каждой рыбины. – Старик вдруг вспомнил то, что он уже давно хотел спросить у этих ученых монахов. – Послушайте, а почему раньше, как можно вычитать из книжек, земля была полна разных диковинных тварей – единорогов, драконов, морских дьяволов, а сейчас никого из тех животных не осталось?

Агапит немного поломал голову и наконец пробормотал:

– Не знаю. Может быть, они и существуют, но вот только мы не можем их больше видеть...

Рыбаки распутали сети, взяли рыбу и пошли в монастырь: монахи – готовиться к вечерне, а Димитрис хотел приготовить себе котелок наваристой ухи. Солнце уже покраснело и собралось уйти за гору. Старик посмотрел на зеленую громаду Афона и улыбнулся. Он опять почув-

ствовал себя ребенком, слушающим сказки, которые рассказывала ему бабушка при свете свечи.

Он помнил, как, закрывая глаза, представлял себе сказочный мир. Под монотонный нежный голос бабули набирало силу воспоминание об утерянном рае. Это была гористая земля, по которой протекала глубокая, но не широкая река. Он плыл по направлению ветра на красивой длинной лодке с косым парусом. В этой сказке все вокруг было живое, даже камни, деревья и сама река. В воздухе веяло неуловимой свежей мечтой, жаждущей воплощения в чьей-нибудь судьбе. Каждая тропа здесь вела к вечной радости, и каждый шел к ней по своей, особенной дороге. Изобилие жизни в каплях утренней росы и вечернем ветре. Он сам был и частью этой земли, и ее полнотой, был ее порождением и в то же время творцом. Маленький Димитрис тогда не задумывался о вечной жизни, он просто знал, что существует на земле благодаря великому ветру, который не виден, но все им приводится в движение. Шли годы, и суровая правда жизни вытеснила из сознания ту сказочную страну. Приходя к гробнице своей бабушки, Димитрис теперь уже старыми морщинистыми руками отирал пыль с памятника, думая, что время – именно та река, по которой плыла его лодка, она имеет своим истоком сказочную страну его детства, а куда она в конечном итоге вольется, это зависит только от нас. Какой-то внутренний голос всегда говорил ему: «плыви в направлении ветра».

Димитрис обычно старался погасить этот голос, дела этого мира своей серьезностью и злободневностью подавили все мечты духа. Но в самые напряженные минуты своей жизни он вдруг с удивлением понимал, что эти детские переживания перед лицом смерти гораздо влиятельней любого мирского опыта. Особенно он осознал это, когда лег в клинику доктора Далмакиса на операцию; неожиданно он ощутил себя беспомощным, поняв, что ничего не знает о самом главном – смерти, а значит, ничего не знает и о жизни.

Афон чем-то напоминал Димитрису ту сказочную страну, может быть, потому, что здесь жили люди, которые были своеобразными знатоками вечных вопросов. Мирские люди обычно откладывают разрешение этих вопросов на самый последний в буквальном смысле день, и момент смерти у них проходит неосознанно. Монахи же очень часто вспоминают смерть, которая трактуется как переход в последующую жизнь, приобретая особое к ней отношение. Некоторые старцы даже желают быстрее упокоиться от мира. Это смелое простое отношение подкупало Димитриса, который сам побаивался смерти. Как птица, падающая с ветвей, замерзнув от неожиданной стужи, безропотно и тихо погибает, так и монах подчиняется приходу смерти как естественному закону жизни. Он словно засыпает без нашей мирской тревоги и душевных метаний.

Димитрис сварил уху и угостил своего соседа по комнате – пожилого трудолюбивого румына, который на ломаном греческом нахваливал рыбную трапезу. Он устал и лег отдыхать, утром нужно было снова идти на рыбалку.

На следующий день румын обнаружил, что старый рыбак странно лежит на своей постели, его правая рука была откинута, и на лице была печать такой безмятежности, какую никогда не встретишь у живого человека. Румын безуспешно попытался растолкать своего соседа и, осознав, что произошло, всплакнул и пошел искать благочинного. Благочинный позвал врача, который зафиксировал смерть от внезапной остановки сердца. Монахи отслужили литию, позвонили родственникам усопшего и думали, как бы переправить старика в Салоники. Была жара, и решили вызвать рефрижератор, в котором обычно возили рыбу. Все жалели доброго рыбака, но считали, что его кончина на Святой горе служит знаком благоволения к нему Матери Божьей.

Несколько часов назад Димитрис видел сон: он плыл на красивой длинной лодке с косым парусом, маленьким мальчиком, по узкой, но глубокой реке, и бабушка читала сказку, ее слова вплетались в плоть камней и корни чудесных деревьев.

Голос дорогой бабуся говорил устами сказочного волшебника: «Плыви в направлении ветра!»

Димитрис поправил парус и поплыл навстречу восходящему солнцу.

Украденные мощи

Острота зрения всегда была моим достоинством, я могу видеть, словно кошка, даже в темноте. Хорош у меня и слух – на расстоянии пятидесяти метров я слышу слова спокойно беседующих людей так же легко, как вы, к примеру, их крики. Если искусно пользоваться этими природными преимуществами, можно многого достичь.

Но в жизни бывает и так, что наши достоинства делают из нас злоумышленников. Вот и я, который был в общем-то неплохим парнем, встал в юности на кривую тропу преступлений.

Мы с лихими друзьями воровали, не задумываясь о будущем и не боясь возможного наказания, пока один достойный упоминания случай не произошел со мной и не вырвал из этого несчастного болота, что зовется воровством. Мне хочется, чтобы кто-нибудь с похожей на мою судьбой прочел это повествование и, может быть, уберег себя от моих ошибок.

Сам я вырос в небольшой греческой деревушке на берегу моря. С самого раннего детства я учился любить море, ловить рыбу и глубоко нырять. Вместе с отцом добывал я с диковинного морского дна прекрасные раковины и кораллы, которые позволяли нам не умирать с голоду и даже жить, по сравнению с другими селянами, достаточно неплохо. Возможно, я бы и не стал преступником, но в нашей семье случилось горе – мой добрый отец неожиданно скончался, и я постепенно попал под влияние очень дурной компании. Но то, что она была дурная, я понял лишь спустя несколько лет, а первоначально они – мои новые друзья – казались мне благородными разбойниками, и мне нравился их веселый и шальной образ жизни.

Главой нашей шайки был Георгиос – молодой и очень дерзкий парень, способный постоять за себя и даже за нас, своих меньших друзей. После того как я вошел в круг его близких знакомых, никто из сельских хулиганов не смел даже приближаться ко мне, боясь расправы Георгиоса.

Он учил нас тому, что хорошо умел сам – воровать и мошенничать, наши детские сердца и умы быстро впитывали эту нечистую науку, позволяющую жить весело и безбедно. Подростки ведь не представляют всей тяжести последствий, неизбежно наступающих злоумышленников. Особенно из всей остальной шпаны наш вожак приблизил к себе меня за зоркий глаз и чуткий слух, а также за природную смелость и любовь к рискованным авантюрам.

Он стал брать меня на самые опасные дела, и мы серьезно занялись контрабандой оружия. У меня стали водиться деньги, я обнаглел и стал дерзок с людьми. Мать уже не бранила меня за мой промысел, но всегда осуждающе глядела, когда я уходил на встречу со своими дружками. Она была глубоко верующим человеком и часто молилась перед нашей родовой иконой Божьей Матери Киккской, чтобы я наконец исправился и встал на путь истинный. А я, человек, потерявший совесть и закопавший в землю собственное сердце, не унимался и все больше преуспевал в своем преступном ремесле.

Но в жизни обязательно настанет момент истины, когда ты должен окончательно выбрать свой путь: либо ты еще больше погрязнешь во зле, либо, не сумев переступить некую черту, оставляешь злые дела и обращаешь свои глаза к свету. Мой момент истины наступил так.

У Георгиоса была одна всем известная сердечная страсть, он положил глаз на племянницу богатого, но очень нехорошего человека. Может быть даже, это была и не простая страсть, а настоящая любовь, я сейчас, по своей тогдашней незрелости, ничего не могу сказать точно. Он часто, изнемогая от гнетущего чувства, стоял под ее окном и ждал, когда Лариса – так звали эту девушку – взглянет на него.

Она, как мы все видели, отвечала ему взаимностью или, по крайней мере, испытывала к его личности неподдельный интерес, но их женитьба казалась делом несбыточным, слишком уж разных кругов они были. Этот ее дядя, толстосум по имени Петрос, был жадным ростовщиком и пользовался нашей сельской нищетой, чтобы еще более увеличить свои богатства.

Георгиос был, конечно, удалцом, но все же человеком без будущего, он ничего не знал, да и не хотел знать, кроме воровства. Георгиос имел с богачом какие-то дела, а тот, будучи хорошим психологом, видел, какое впечатление его племянница производит на молодого контрабандиста. Но он не только не пытался унять эту страсть, но, напротив, поощрял ее, чтобы использовать Георгиоса в своих мрачных делишках.

Однажды Георгиос пришел к условленному месту на берегу моря в очень плохом настроении. Он печально глядел на воду и бросал в волны камни. Тогда я спросил своего старшего друга:

– Георгиос, что случилось? Я смотрю, сегодня ты сам не свой.

Наш вожак не любил, когда ему лезут в душу, но в этот раз не сдержался и пожаловался на богача:

– Эх! Петрос вроде пообещал выдать за меня племянницу, но взамен я должен сделать кое-что очень нехорошее. Я боюсь, что, если соглашусь, произойдет нечто страшное, но ведь и не согласиться я не смогу. Слишком сильно я люблю мою Ларису.

– И что этот богачей от тебя хочет? Неужели тебя чем-то можно смутить?

Георгиос с видимым отвращением поморщился и строго посмотрел на меня:

– Только ты, дружище, сделай одолжение, ничего и никому не говори.

– Договорились. Буду нем как рыба.

– Хорошо, ты мне как брат, и я знаю, что мой брат ничего и никому не скажет. – Георгиос тяжело и с болью вздохнул. – Короче, Петрос хочет, чтобы я украл ему с Афона, прямо из монастыря Дионисиат, руку святого Иоанна Предтечи.

– По-по-по. Матерь Божья! Ведь это же настоящее святотатство.

– Вот! И я о том же! – Георгиос с гневом метнул в воду большой плоский камень. Луна освещала море, и было видно, как камень лягушкой проскакал по воде несколько раз, пока не ушел на дно.

– Слушай, Георгиос, а зачем ему эта рука? Продать, что ли, хочет?

– Нет, он, видите ли, желает замуровать мощи в стену своего нового дома, того, что строится на пригорке. Думает, что так избавится от страха, который гложет его скупой дух уже долгое время. Когда-то, много лет назад, одна еврейка из Салоников на колдовских картах Таро нагадала Петросу, который в то время был простым банковским клерком, что тот умрет страшной смертью – сгорит в пламени собственного дома. Петрос очень боится этого предсказания и верит, что, если он замурует в стену дома святые мощи, Бог не сможет допустить, чтобы его дом сгорел.

– Ну и дела! Матерь Божья! Возможно ли такое?!

– Не знаю. Он почему-то хочет именно эту руку. Видимо, думает, что такая святыня избавит его от этого страшного проклятия и даст спокойно умереть в старости. – Георгиос вдруг с сердечной теплотой сжал мою ладонь. – Если я решусь на это дело, ты пойдешь со мной?

Я посмотрел ему в лицо:

– Георгиос, если для тебя это так важно, я с тобой.

– Для меня это важно!

– Тогда давай все спокойно обсудим. Пойдем на дело только вдвоем, чтобы не привлекать ничьего внимания. Если селяне узнают про это, они нас накажут за святотатство. Я думаю, что Бог, в отличие от людей, может простить нас. Он ведь знает, что ты пошел на такой отчаянный поступок не из-за денег, а ради любви.

– Спасибо тебе, друг!

Я уже тогда обладал недетской смекалкой и предупредил Георгиоса:

– Ты знаешь, что Петрос нечестный человек. Уверен ли ты, что он отдаст тебе Ларису, а не обманет каким-либо образом? Тебе нужны гарантии.

Лицо Георгиоса стало на мгновение очень жестоким:

– Если Петрос обманет меня, я убью его. После такого святотатства придавить сельского кровопийцу будет для меня совершенно плевым делом. И я уже дал ему это понять. Конечно, он совершенно не хочет отдавать за меня свою племянницу, но страх сгореть заживо в нем так велик, что пересиливает даже отвращение ко мне и любовь к Ларисе.

Итак, мы договорились обо всем и разошлись по домам.

Через неделю мы плыли на старой рыбацкой барке, на которой обычно перевозили контрабанду. Море было на удивление спокойным, и луна – светило воров – освещала нам путь. Дионисиат находился почти в центре полуострова, на небольшой возвышенности. Наши сердца трепетали от страха перед Божьим наказанием, которое, говорят, не раз постигало святотатцев. Ведь, несмотря на нашу несчастную судьбу, мы все же родились и выросли в верующих семьях, с молоком матери впитали уважение к православным святыням. С детства священники пугали нас различными историями реальности гнева Божьего. И даже мы, контрабандисты, перед выходом в море всегда ставили свечи святому Николаю Чудотворцу.

Есть поступки, которые нельзя исправить. И мы прекрасно понимали, что, возможно, сейчас мы совершаем именно такой поступок. Но воровская звезда вела нас к возмездию, от которого не сможет уйти ни один преступник на земле. План будущего ограбления мы составили грамотно, даже можно было бы сказать, профессионально, если воровство можно назвать профессией. Петрос дал нам подробный план Дионисиата, проникнуть в который было делом трудным, но не безнадежным.

Рука святого Иоанна Предтечи хранилась в небольшом храме – параклисе; нужно было открыть несколько дверей и найти ковчег со святыми мощами самого Крестителя Господня. И, наконец, самое сложное – нужно было переступить через свои страхи и частицу, возможно самую главную, самих себя.

Вот мы и причалили к святому берегу – не как благочестивые паломники, а как бесчестные воры, намереваясь украсть самую почитаемую святыню этого древнего монастыря. Георгиос вообще трепетал, как осенний лист. Это было настолько нетипично для такого лихого удалыца, что мне и самому стало не по себе. Тем более я знал нечто, о чем услышал, спрятавшись вчера у дома богатого Петроса. Он тогда разговаривал со своей племянницей о ее будущем и убеждал отказаться от мысли связать свою судьбу с Георгиосом:

– Как ты будешь с ним жить? Шататься по морю, торгуя оружием? Да на этом шалопае клеймо негде ставить, и по нему давно уже плачет тюрьма.

Георгиос, когда я попытался пересказать ему этот разговор, нервно играл желваками и бешено смотрел мне в глаза. Он не только не хотел слышать про коварство Петроса, но и пытался убедить меня, что он не позволит старому ростовщику обмануть его. Я тем не менее чувствовал какую-то непонятную тоску, похожую на плохое, но верное предчувствие.

Монастырь Дионисиат почти ничем не отличался от других святогорских обителей – большие стены, образующие квадрат, и внутренний дворик с кафоликоном – соборным храмом. Главная порта⁵ была практически неприступна – огромный чугунный замок мог преградить путь не только парочке воришек, но и маленькой армии. Также, по идее, где-то там, возле порты, должен был бодрствовать привратник.

Мы выбрали другой путь и с помощью крюка и веревки проникли внутрь монастыря через окно. Ловкими движениями рук, словно обезьяны, мы добрались до окна в коридоре и открыли его одной из имеющихся у нас в запасе отмычек.

Дальше нужно было попасть в параклис. Мы были опытными ворами и сравнительно легко открыли все остальные замки. Георгиос постоянно крестился и жалобно просил Бога о помиловании. В параклисе мы очутились среди множества самых разных мощей. Найдя большой серебряный ковчежец в виде руки, мы открыли его и достали святыне мощи Иоанна Пред-

---

⁵ Святые врата монастыря.

течи. Это была нетленная левая рука – она благоухала и источала благовонное миро. Георгиос, дрожа всем телом, завернул это храмовое сокровище в заранее приготовленную простыню, и мы, заперев по возможности все замки, таким же образом покинули тихую монашескую обитель.

Оказавшись в барке, мы оттолкнулись веслами от берега и осторожно отплыли, но с тревогой заметили, что небо теперь затянулось подозрительными облаками. Все в природе предвещало грозу.

На расстоянии ста метров мы повернули барку на север. Ночь, разгулявшись, требовала продолжения пира зла, ей было мало совершенного нами разбоя. Море начало волноваться, Георгиос запаниковал. Он вдруг схватился за голову и закричал:

– Не надо, не мучь меня! – Он будто бы обезумел от того, что сделал, и перестал нормально реагировать на происходящее.

Я, стараясь перекрычать ветер, спрашивал его:

– Что такое, Георгиос? Что случилось?

Он не отвечал и продолжал стонать и метаться, а тем временем шторм все крепчал, южный ветер нагонял фортуны. В таких случаях мы с отцом всегда молились святому Иоанну, который слышал молитвы и часто укрощал даже самую свирепую бурю...

Я вдруг вспомнил, что святой Иоанн Предтеча, чьи мощи мы только что украли, был верным покровителем моряков, подавал попутный ветер и хороший улов. Из моей груди вырвался нервный смех:

– Ну мы влипли!

У Георгиоса началась уже настоящая истерика, чувствовалось, что он переживал какой-то сильный ужас, быть может, ему даже было видение. Он не мог больше грести, продолжая причитать и обеими руками держаться за голову. Волна подымалась большая, и делать было нечего – я решил вернуться к афонскому берегу. Попробуем добраться пешком до Уранополи, а там найдем бричку и поедем в родное село. Я сказал о своем плане совершенно подавленному Георгиосу. Он не противоречил мне, и я погреб обратно на Афон. Барку, конечно, придется бросить, но у нас не было другого выхода; надеюсь, местные рыбаки не узнают нашу посудину.

Я причалил где-то возле пристани болгарского монастыря Зограф. Георгиос, выйдя на берег, неожиданно воздел руки к штормовому небу и упал всем телом на холодную гальку. Он прохрипел что-то о прощении и возмездии и замер в отчаянном оцепенении, словно ожидая от будущего и того и другого. Так прошло минут пять – он лежал на мокрых камнях зловеще и неподвижно. Я не хотел верить происходящему.

Придя в себя, я стал расталкивать его, но тщетно – мой старший друг был уже мертв. Сердце контрабандиста остановилось, да простит его Господь Бог. Для меня это было страшным доказательством того, что кара Божия настигает святотатцев.

Сначала меня охватили жалость и сострадание к храброму парню, но потом сознание захлестнул ужас: ведь возмездие Господне может настигнуть и меня, святотатство совершили мы вместе. Печальный конец влюбленного Георгиоса, конечно, заставлял задуматься и о моей собственной судьбе. Страх набирал обороты, и я понял: несмотря ни на что, я оставлю руку Иоанна Предтечи на Афоне.

Мне становилось все хуже, и я упал на колени, прося Матерь Божью остановить висящий надо мною праведный меч возмездия. Я плакал и умолял, обещая оставить свои преступные дела и с этого времени ходить в церковь, проводя нормальную благочестивую жизнь, как было издавна заведено в нашей семье. Так прошло достаточно времени, мы с Георгиосом лежали ниц: он – уже покойник, я – полуживой от страха, а между нами – святая рука Иоанна Предтечи. Я четко чувствовал в тот момент, что мое сердце, как и судьба, взвешивались на праведных весах Божиих, и именно Иоанн Креститель должен был определить – жить мне или умереть. Все зависело от того, на какую чашу весов святой положит свою нетленную руку.

Наконец спустя час или около того я неожиданно почувствовал облегчение и поднялся с колен. Начинался ливень, и нужно было бежать от этого места, потому как скоро монахи должны встать на молитву и обнаружить пропажу святых мощей.

Я аккуратно положил тело Георгиоса в барку, которую хорошо заякорил к берегу, а рядом, с левой стороны, поцеловав, оставил и святую руку. На палубе нашей контрабандистской барки я выложил из камней имя почившего Георгиоса и просьбу, чтобы за него, грешного, молились на Афоне. Затем, окинув взглядом эту печальную картину, которую освещала вновь вышедшая из-за облаков луна, я побежал на север...

В нашем селе многие обрадовались смерти Георгиоса; все узнали, что он хотел украсть руку святого Иоанна, и хулили его как безбожника и вора. Мы как его ближайшие приспешники также получили свою долю общественного порицания. Наше преступное дело постепенно захирело и пришло в настоящий упадок.

Мать наконец получила ответ на свои теплые к Богу молитвы – она видела, что я стал более религиозным и оставил свои преступные замашки. Она даже написала своему брату Никосу в Салоники, который имел свое дело – пекарню и булочную, с просьбой принять участие в моей судьбе. Он обещал взять меня к себе в помощники, если я начну регулярно ходить в церковь и не буду больше хулиганить.

Я дал обет быть примерным и стараюсь хранить его – свою жизнь до сих пор я выстраиваю по принципам христианского благочестия. Я регулярно исповедуюсь и причащаюсь Святых Тайн. Особое почитание оказываю святому Иоанну, который и вытащил меня своей рукой из болота греха. За Георгиоса я также молюсь и подаю милостыню за упокой его бедной души; мне почему-то верится, что когда-нибудь и он обретет покой на небесах.

Перед отъездом к дяде Никосу мне удалось переговорить с бедной Ларисой. Она догадывалась, из-за чего погиб Георгиос, и не находила себе места от глубокой скорби.

Она расспрашивала меня во всех подробностях, что именно Георгиос сказал перед своей не очень-то благой кончиной.

– Отвечу тебе так, Лариса, – он умер христианином там, на Святой горе. Георгиос знал, что заслуженно принял смерть, и молил лишь о том, чтобы Господь избавил его от вечного мучения в аду. Я думаю, что он может спастись, если все мы станем за него усердно молиться.

Девушка ничего на это не ответила, попросив только, чтобы я не говорил другим, что в этом был замешан ее дядя, поправила белокурые волосы и, попрощавшись со мной, печально пошла к морю, несущему свои волны к нашему берегу. Больше я ее никогда не видел. Как потом говорили в деревне, она сбежала от своего дяди в Америку в поисках свободы и лучшей доли. Я часто, вспоминая те дни, думаю о ней. Никто не знает, что с ней произошло в дальнейшем, но я надеюсь, что она нашла свое призвание и счастье.

Старый Петрос оставил всякие попытки добыть руку святого Иоанна и замкнулся в своем тесном мирке. Его новый шикарный дом без племянницы и с предсказанной ему страшной смертью стал для ростовщика настоящим адом еще здесь, на земле.

Как нетрудно предположить, однажды его усадьба неожиданно вспыхнула среди ночи. Она находилась вдали от остальных сельских домиков, поэтому селяне не успели со своей помощью. Когда они прибежали с ведрами воды, лопатами и лестницами, дом уже догорал. Он сгорел вместе с хозяином, унесшим в могилу долговые расписки многих и многих жителей наших окрестностей.

Может быть, этот факт милосердный Господь вменит ему в добровольную милостыню и даже он когда-нибудь обретет покой перед престолом Всевышнего.

На этом я и хотел закончить свою печальную историю. Если кого-нибудь она тронет, заденет за живое, прошу помолиться за тех людей, что в ней участвовали. Я же, в свою очередь, прошу в своих молитвах следующего:

– Милосердием Божиим да обрящем мы, хорошие и не очень, праведники и грешники, милость Христа Бога нашего и пребудем все вместе в Его обителях, но только все вместе, чтобы радость наша стала полной. Чтобы смерть умерла сама, и все зло развеялось бы, как предрассветная дымка, что так часто появляется в утренние часы над морем и безвозвратно рассеивается.

О море, ждущее, когда в него выплывут рыбацкие баркасы, оно скоро осветится первым лучом солнца, и начнется новый день, который – как мы верим – будет гораздо лучше, чем предыдущий. И эта наша вера в светлое сама является светом, способным озарить мрак нашего существования в любых обстоятельствах, даже самых мрачных. Просто эту веру мы должны приобрести, выстрадать, потерять и найти вновь, а после этих испытаний она всегда останется с нами, согревая наши уставшие в битве со всем миром сердца огнем божественной благодати.

Илья

Как я потом узнал, его звали Илья. Он был одет в старый, давно не стиранный подрясник, кожаные сандалии и новенькую капу⁶, его руки никогда не выпускали засаленных четок.

Глаза его лучились мягкой, почти женской добротой и отражали мир с особым блеском, на что способны только глаза часто плачущих людей.

Он жил на Святой горе. Переходя с места на место, Илья пел византийские гимны, не наблюдая времени и приличий. Иногда туристы из соседних келий не могли уснуть и делали Илье замечание, что для пения есть день. Он всегда реагировал с видимым раздражением и петь не переставал. Архондаричные хорошо знали Илью и советовали туристам не конфликтовать с ним и смириться с обстоятельствами, напоминая им, что они живут не в отеле, а в монастырской гостинице. Последний довод был для туристов наиболее понятен. Для Ильи же никакие доводы не были понятны, и после нескольких словесных баталий все афонские архондаричные от него отстали. Осознав его твердолобость, они жалели всех пытающихся смирить Илью, который был либо уже излишне смиренным, либо духовно больным, не способным к какому-нибудь преуспеянию. Он не терпел никаких обличений, но зато сам всех обличал, как простых людей, так и монахов, прибывающих или живущих на горе, в отсутствии благоговения, в жадности и жестокосердии и других грехах и нечистых помыслах.

Он не прибегал к мудрости Соломона, советующего не обличать злых, и от него доставалось всем поровну, как добрым, так и не очень. Справедливость торжествовала. Людской любви, сказать прямо, это ему не прибавляло, но он, видимо, и не искал ее.

Некоторые святогорцы любили Илью, другие ненавидели, иные презирали, кто-то уважал его, но сам он всегда скрывал истинное ко всему и всем отношение.

Конечно, он был нездоровым на голову, юродивым, но если Илья и был свят, то так успешно это скрывал, что ни один, даже самый проникательный человек не мог этого заметить.

Раньше он жил нормальной мирской жизнью – был пожарным, тушил дома и административные здания. Однажды он даже спас из пламени маленького мальчика, который испуганно схватил его за шею и уткнулся носом в его обгоревшее плечо. Балки и перекрытия, охваченные пламенем, осыпались, после того как он сполз по пожарной лестнице на тротуар. Мальчик потерял весь свой маленький мир, но благодаря доблести Ильи приобрел жизнь – дар, который невозможно оценить за короткое время.

Смелый пожарный на один день стал героем, про него даже написали в местной газете; но уже на второй день коллеги забыли этот смелый поступок, на третий – его выпустил из памяти и спасенный мальчик, которого забрала к себе любящая бабушка и отпаивала молочком, стараясь заглушить его душевную боль. Мальчик не думал, что он мог тогда умереть, его больше занимал вопрос, почему именно с ним случилась эта трагедия.

Илья не переживал, что его геройский поступок так быстро был предан забвению, но в очередной раз убедился, что для каждого дня ценны лишь его события. Он не любил читать, но жизнь открывала перед ним богатую книгу бытия, из которой он черпал свои знания. Эти знания несколько отличались от всего, чем жили окружающие. В его сознании появилась трещина, которую психиатры, когда ставили диагноз, назвали ментальной причиной текущего расстройства личности. Со временем эта трещина расколола его сознание на две половины, из которых он одну полюбил, а другую возненавидел.

Семья пожарного ничем не выделялась среди других греческих семей – жена, которая работала учительницей, как всегда, ждала его вечером после работы; старший сын гулял по улице и бил стекла из рогатки, младший плакал в своей кроватке, Илья приходил домой, раз-

---

⁶ Головной убор.

девался и за ужином читал газеты. Тот номер, прославивший его на один день, Илья хранил в письменном столе и показывал во время домашних посиделок. Он казался воплощением покоя и эталоном домоседов.

Но что-то в нем неожиданно изменилось, пожарный стал набожным, и в то же время он стал чудить и с виду тронулся умом. Как будто в голове у него сломался важный тумблер, и внутреннее зеркало перестало правильно отражать предметы этого мира. Илья перестал нормально разговаривать с людьми, оскорблял их без видимой причины и сердился, когда к нему приставали с расспросами. Также он перестал обращать внимание на правила человеческого общежития и говорил сам с собой, отмахивался от воображаемых противников, не стесняясь вольных или невольных свидетелей его помешательства.

Когда он начал меняться, пожарные, коллеги его по работе, пытались его напоить, считая, что вино – лекарство от всех душевных недугов, затем побили его за то, что он спрятал их ранцы. Когда он сделал это во второй раз, его уволили, не помяная прошлых заслуг. Затем процесс социальной деградации пошел по нарастающей. Дети стыдились своего чудного папы, а жена хотела сдать его в психиатрическую лечебницу, чтобы врачи помогли ее мужу снова стать нормальным. Но Илья не унимался, часто ходил в церковь и пел на клиросе; денег ему не платили, безумие не проходило, поэтому жена, разочаровавшись в своей семейной жизни, забрала детей и уехала в Афины к родителям. Но бывший пожарный, казалось, не переживал, что его жизнь так сильно переменялась.

Илья стал настоящим городским сумасшедшим и бродил по улицам, напевая песнопения, служа мишенью для насмешек порядочных граждан и камней озорников. Мальчишки обстреливали его достаточно регулярно, чтобы он тратил свою пенсию на врачей, и, что особенно травмировало его душу, среди хулиганов изредка попадался и спасенный им из пламени парень. Мальчик считал, что Илья зря спас его; в доме бабушки он совсем отбил от рук и стал воровать конфеты из магазинов; его жизнь после спасения коренным образом изменилась, но ему не приходило в голову, что она изменилась все-таки после самого пожара. Каждым брошенным камнем мальчик мстил пожарному за то, что его родители погибли, а он остался со своей разбитой жизнью и должен мириться с этой несправедливостью. Он оценивал этот дар, переданный через чумазого пожарного, чрезвычайно низко, перечеркивая весь смысл его геройского поступка.

Илья вдруг обнаружил, что ему все трудней становится жить в городе. Огни домов оттеняли его собственную заброшенность и великое одиночество. Чтобы вновь ощутить под ногами почву, ему необходимо было срочно изменить свой образ жизни. Однажды он пошел в храм, чтобы взять у духовника благословение поехать на Святую гору и жить там до конца дней своих в безмолвии и молитве.

Его духовник, старый священник папа Костас, давно сталкивался с трудностями на клиросе. Народ в этом районе был мало религиозен, и даже его старушки, которые в любой стране составляют костяк прихода, постепенно все померли. Современные стареющие женщины все более предпочитали телесериалы богослужениям, и Илья в этом отношении сильно выручал священника – пел он неплохо, знал устав и не требовал никаких денег.

Поэтому папа Костас, пользуясь добротой и невежеством Ильи, задержал его в городе еще на три года, обещав впоследствии устроить его в монастырь. Когда прошел этот срок, папа Костас попросил его остаться еще на три года, клятвенно заверив его, что за свое терпение тот наследует Царство Небесное и особую подвижническую благодать, которая поможет ему стать по-настоящему великим монахом.

Илья согласился и на этот раз. За эти годы он выучил весь устав и многие песнопения наизусть. Наконец, папа Костас, подивившись противоречивому характеру своего псалтоса, устроил его в монастырь на острове Андрос. Он познакомил его со своим другом, который был в этом монастыре экономом, и напутствовал его многими добрыми словами и пожеланиями.

Доброжелательный эконо́м па́па Андроник повез Илью́ в свой монастырь. В поезде бывший пожарный с отсутствующим видом смотрел в окно и совсем не разговаривал со священником. Папа Андроник знал, что его новый подопечный слегка не в себе, и старался проявлять максимум заботы и терпения. Но если благие чувства не находят понимания у других, они начинают быстро терять интенсивность. Эконом оценил терпеливость своего друга папы Костаса и понял, что Илья создаст ему еще немало проблем. Обостренная интуиция никогда не подводила папу Андроника – в монастыре Илья столкнулся с трудностями. Он думал, что он здесь будет просто много молиться, но в итоге ему пришлось строить отношения с братьями и игуменом. Именно это было его ахиллесовой пятой, постоянные конфликты отравили жизнь обители и вынудили Илью покинуть Андрос.

Эконом советовал Илье вернуться в город, но тот не хотел идти по дороге назад и сказал, что поедет на Афон поговорить со старцами. Папа Андроник проводил неудавшегося монаха до катера и подарил ему четки, которые Илья не принял. Эконом махал ему рукой, пока катер не скрылся из виду, и думал, что теперь его наконец ожидает покой. И на этот раз интуиция его не подвела, папа Андроник вскоре скорострительно скончался от острого приступа астмы.

Афонские старцы, не используя дар прозорливости, заметили, что Илья не в себе, и советовали ему пожить на Святой горе в качестве обыкновенного рабочего. Он решил обратиться в Кариес и поступить на должность афонского пожарного. Аудиенция у приятного в общении губернатора закончилась вежливым отказом и пожеланием всего хорошего.

Илья так нигде и не устроился и ушел, как любят говорить монахи, в «шталову» пустынь.

Он стал бродить по Святой горе из монастыря в монастырь и жить одним днем, по Писанию. На зиму Илья уплывал на теплый Крит, где холода почти не отражались на стеклах изморозью и снега не видели уже более пятидесяти лет. Крит стал для него второй родиной, Афон – первой. Илья жил понемногу в каждом из монастырей, просил у монахов еду и одежду и, поскандалив малость с насельниками, перебирался в другое место. Он всегда ходил с двумя большими тюками, набитыми всяким барахлом.

Часто он приходил к одному известному старцу в домик под кипарисами и надоедал ему вопросами. Этот старец предпочитал безмолвие душеполезным беседам. Илья раздражал его и заставлял задуматься о собственном несовершенстве. Безмолвие просвещает, но и рождает ряд иллюзий о себе, Илья разбивал некоторые иллюзии старца, и он был ему в конечном счете за это благодарен и даже благословил на Рождество подрясник.

Так он жил, молился и переходил с места на место. Илья жил своей жизнью и был, в отличие от меня, всем доволен. Мне кажется, момент нашей с ним встречи был запланирован судьбой, мы просто не могли с ним не встретиться. Как два магнита, мы тянулись друг к другу: я к нему, а он, Илья, ко мне, потому что первая наша встреча так сильно изменила обе наши судьбы, что обязательно должна была состояться вторая как нечто противоположное первой – как подтверждение правильности нашего пути и торжества добра.

Я много путешествовал и всегда, проезжая мимо сотен лиц, ловил себя на том, что ищу в толпе именно его лицо. Нельзя сказать, что я постоянно думал об Илье, но он всегда был со мной, как некая тень; совершая свой путь, я внутренне искал его.

Когда я приехал на Афон, солнце уже склонялось к закату, я искал пристанище для ночлега; ближайший к святогорской пристани монастырь был Ксиропотам, и я пошел в гору, пока не добрался до прямоугольного, напоминающего военную крепость здания с аккуратным зеленым двориком внутри.

Поселившись в Ксиропотаме, я нашел монашескую жизнь достаточно привлекательной для моего уставшего духа. Взяв благословение игумена пожить здесь с месяц, я начал молиться и читать книги святых отцов. Мой душевный мир преизобиловал и возрастал день ото дня, и, наконец, я встретил его, напомнившего мне про день моего второго рождения.

Илья пришел в своем ветхом подряснике, бормоча под нос молитвы, с большими тюками и расположился в зале для паломников. Архондаричный недовольтно поморщился и сказал мне, чтобы я налил гостю рюмку узо и подал лукум. Я выполнял послушание помощника архондаричного и встречал паломников.

Подойдя с угощением к столу, я неожиданно узнал его. Илья постарел, его лицо сморщилось, как старое яблоко, глаза горели безумным блеском, словно опалившиеся от того пожара, и смотрели вниз на гладкую потертую поверхность стола. Я узнал его, несмотря на то что мне тогда было совсем мало лет, а он был еще здоровым. Мне вдруг стало хорошо понятно, почему мы сейчас повстречались. Мы просто должны были столкнуться рано или поздно, я сильно хотел этого, хотел посмотреть в эти грустные добрые глаза и попросить прощения.

Илья, конечно, не узнал меня и, отругав за то, что лукум совсем подсох, продолжил бормотать свои молитвы. Архондаричный отец Савва покрутил пальцем у виска, левой свободной рукой показывая на бродячего паломника, а потом прижал этот палец к губам, показывая, что мне следует знать о его причудах, но не спорить с ним и хранить благоразумное молчание. Савва напомнил мне сейчас самого меня много лет назад, и я с долей иронии сказал архондаричному:

– Может быть, этот больной ближе к Богу, чем все мы.

Савва недоуменно посмотрел на меня и залился стыдливой краской:

– Да? А может, ты будешь просто делать свое дело?

Я продолжил угощать прибывших паломников, а Савва с дружелюбной улыбкой повел Илью в его комнату. Потом он вернулся и обидчиво заметил:

– Ты не думай, что ты самый добрый. Я знаю этого бродягу уже не первый год, и, поверь мне, он может довести до белого каления любого. – Савва посмотрел на часы. – Через десять минут начнется вечерня.

Илья поселился рядом с моей кельей и ночью, как у него было заведено, начал петь ирмосы с тропарями. Я внимательно его слушал, вдумываясь в слова, и вспоминал ту ночь, когда он вытащил меня из пламени.

Пожар начался так неожиданно, что родители не успели проснуться. Я подбежал к окну и попробовал открыть рамы; огненный дракон хотел сожрать меня и уже заполз в комнату, он извивался и расплескивался по ковру, забираясь на письменный стол и хватая плюшевые игрушки; у меня не было времени осознать происходящее и даже испугаться. Потом окно разбилось, и огромный пожарный, похожий на медведя из сказки, ворвался в комнату вместе со свежим воздухом, еще больше раззадоривая огненного дракона. Он схватил меня буквально из лап пламени и по пожарной лестнице спустил на землю, где я, накрытый одеялом, печально глядел, как сгорает мой старый мир.

Вдруг из маленького ребенка я превратился во взрослого. Тучи сгустились над моей головой, и солнце надолго скрылось из жизни. Когда мне было очень плохо, я ненавидел Илью за то, что он спас меня и тем самым обрек на страдания. Но время вылечило меня, я вырос, окончил университет, женился и устроился на хорошую работу.

Я слушал, как он поет, мой спаситель, униженный перед всеми человек, в которого и сам я бросал когда-то камни. Он пел пасхальный канон, и радость жила в его хрипловатом голосе.

Я не смог сдержать эмоции и прослезился. Теперь я раскаивался в том, что когда-то так грубо относился к нему. Я наконец оценил тот дар, который дал мне Господь руками пожарного, которого, как я потом узнал, звали Илья.

Легенда о вампире

Родиной отца Романа была Румыния. Он часто вспоминал Альба Юлию, свой аккуратный домик с садом и постаревшую мать, накрывающую на белом столе сытный обед. Он был хорошим мальчиком, толковым школьником и примерным сыном, пока разъяренная толпа не уничтожила коммунистический режим Чаушеску. Его отец был ревностным католиком и сторонником единой великой Румынии. Он часто приводил маленького Мирче – будущего монаха Романа со Святой горы – к соборному храму, где показывал выложенную на стене ратуши из разноцветных камней мозаику единой Румынии, которая в 1918 году состояла из объединенных Романии, Трансильвании, Молдавии и Южной Буковины. Столицей этой страны-однодневки был их родной город Альба Юлия.

– Смотри, сынок! Если бы не Советы, мы бы жили в великом государстве. – Отец осторожно озирался по сторонам, перестраховываясь на случай слежки. Он не скрывал своей религиозной принадлежности и почти не скрывал ненависти к режиму, деятели которого занесли его в «черный список».

– Папа, а почему Советы правят нами?

– Тихо, тихо, сынок. Красный дьявол захватил земли, где плохо чтили святейшего отца. В Трансильвании всегда процветала святая католическая вера, но сейчас и у нас за отступление и дружбу с лукавыми эллинами Господь попустил вавилонское пленение. Русские захватили все наши земли, но близок час – молитвами папы мы скоро освободимся. Давай крестись, малыш. – Они осторожно крестились по-католически и возвращались домой, где мать готовила им венгерский пирог.

Отец так и не дождался счастливого дня освобождения Румынии от коммунистов и погиб в том самом декабре восемьдесят девятого от шальной пули при штурме дворца Чаушеску. После этого маленький Мирче совсем отбился от рук и еле закончил школу. Его новой страстью стала музыка, ей он отдавал все свободное время. Мирче был рок-музыкантом и играл трэш – новомодный и очень жесткий стиль. Слова песен писал он сам, и они были наполнены темами отчаяния и сатанизма. Наркотики и женщины дополняли его насыщенную творчеством жизнь. Он был молод и горяч, носил усы, серьгу в ухе и черную бандану с белыми черепами и костями. Вся жизнь казалась тогда футбольным полем, на котором он с друзьями гонял мяч под рев восторженной пуб- лики.

Как давно это было! Казалось, прошла целая жизнь. Теперь он афонский монах, но кошмары-воспоминания о той лунной карпатской ночи до сих пор мучили его. Эта ночь!..

– Отец Роман, будь добр, подай мне вон ту корзину. – Он вместе со старым схимником Гавриилом сейчас собирал виноград в афонском ущелье; близился вечер.

Монах подал состарившемуся в иночестве молдаванину нагруженную до верха плетеную корзину.

– Отец Гавриил, сегодня же полнолуние? Ха! День, когда вампиры обретают самую большую силу. – Роман было засмеялся над своими старыми кошмарами, но этот смех не был смехом победителя, но защитной реакцией на ужас, который когда-то испытала его душа.

– Да? Ты еще вспоминаешь тот случай? – Отец Гавриил взял его за руку и внимательно посмотрел в глаза. – Забудь! Ты же теперь на Афоне.

– Я уже все забыл, давным-давно. – Роман отвел глаза. – Все? Больше не будем собирать?

– Да нет! Пойдем уже к машине, отец. Сейчас поедем в Продром. А сколько винограда мы собрали сегодня, Роман? А? Ты только посмотри. – Они донесли две последние корзины к давящей машине, попрощались с рабочими и сели в старенький Hammer. Роман завел мотор и порулил в скит. Луна уже зависла над горой Афон, внимательно наблюдая за землей. Силы зла словно пытались найти брешь в молитвенной обороне афонского Христова воинства. Роман

вновь вспомнил ту ночь, которая, прокляв его мирскую жизнь, благословила его на монашество. Он много раз уже рассказывал эту историю, часть братьев приняли его за болтуна, другие подивились непостижимому промыслу Божию, призывающему своих овец самыми невероятными способами.

...Все началось в баре, где музыканты его группы отмечали удачный концерт. Их группа называлась «Бешеные даки». Бар назывался «Пакатос».

– Как мы, Мирч, сегодня сыграли! Все Сибиу собралось на летнюю площадку. Придет время, мы завоюем и Бухарест. – Друзья пили пиво с новыми подругами и горделиво хвастались своими успехами.

– Мы уже лучшие в Трансильвании, правда, Ион?

– Да! Я думаю, что и во всей Румынии тоже. По крайней мере, что касается металла.

Девушки восторженно слушали их похвальбу и пили дорогие коктейли. Мирче внимательно оглядел свою компанию, особенно полюбившуюся ему девушку по имени Мариша, и выложил еще один козырь:

– Может быть, Ион, мы в скором времени выйдем и на мировую сцену, у меня на этот счет есть план.

– Какой же, Мирч? – Все стали с интересом его слушать.

– В нашем мире, чтобы выбиться в люди, необходимо везде использовать рекламные трюки. Главное, ребята, не комплексовать. То, что мы с вами румыны, это для надменной Европы недостаток, но я придумал, как превратить его в преимущество. Мы назовем свой новый альбом «Вампиры из Трансильвании». Во всем мире при слове Трансильвания каждый дурак вспоминает графа Дракулу. Европейцам плевать на нашу культуру и историю; все, что им от нас надо, – так это чертовы вампиры. Так дадим же им то, что они хотят, и заработаем кучу денег.

– Это как, Мирч?

– Короче, можно выдумать такую историю, что нас якобы в Карпатах покусали вампиры, и после этого мы сами превратились в музыкантов-вампиров, и что каждый день мы выпиваем по литру крови, которую покупаем в пунктах переливания крови, – отличный рекламный трюк, пресыщенная европейская молодежь будет довольна. Один мой приятель учится в Оксфорде и переведет мои тексты на английский. Осталось только найти спонсора, который сможет нас продюсировать в Европе.

– Мирч, да ты гений! Вампиры из Трансильвании! Как здорово! – Все стали оживленно обсуждать новый проект, смеясь и раззадоривая друг друга.

– Послушайте, а давайте сейчас поедem в Карпаты, устроим пикничок прямо у замка Влада Цепеша! – Ну кто бы мог предположить в юной красавице Марише подобный авантюризм? – Ион, Мирч, поехали, это же прикольно!

Осторожный Ион пытался сопротивляться:

– Не поздно ли? Уже темно.

– Нет, не поздно! – Мирче, уже изрядно охмелевший, был склонен к таким безумным затеям. – Поедем же и попросим графа Дракулу о помощи в нашем новом проекте.

Все стали смеяться и заказали еще пива. Потом Ион пригласил своего трезвого приятеля, который жил неподалеку от Сибиу, и они все на ночь глядя помчались на машине в Карпаты...

– Роман, что случилось? – Отец Гавриил тревожно посмотрел на молодого монаха. – Почему мы остановились?

– Одну секунду, отче, я немного отдышусь. Что-то мне сегодня нехорошо, – Роман посмотрел на старинную башню, стоящую, как одинокая ладья в эндшпиле, среди густой растительности.

– А почему ты остановился прямо возле Морфино, Роман? – Молдаванин испуганно потербил свой подрясник. – Ой, не нравится мне твое состояние! Давай-ка немного помолимся. Да поможет нам Матерь Божья!

Монахи стали читать Иисусову молитву по четкам как по-гречески, так и по-румынски. Морфино была лаврской пристанью, это название шло из давних веков, когда Афон еще не был монашеской республикой. По преданию, на этом месте, где сейчас стоит башня, было языческое капище черной Венеры. Ее идол, отлитый из бронзы, был закован в цепи, и медная повязка закрывала глаза статуи. Слепая черная Венера покровительствовала преступникам, особенно пиратам, которые приносили своему кумиру человеческие жертвы, она в ответ прибавляла им удали и посылала удачу в разбоях. Даже после того, как христианская вера возторжествовала в империи, кровожадные пираты, охотившиеся на сарацинские, византийские и генуэзские корабли, прятали здесь, в своем бандитском пристанище, награбленные сокровища, а в построенной руками рабов башне замуровывали заложников. Морфино была пиратской пристанью долгие годы, пока святой Афанасий с помощью своего бывшего послушника, аутократора⁷ Никифора Фоки, не учредил на Афоне монашескую республику.

На горе были только три места, в которых монахов никто не благословлял жить и молиться. Первое – это пещера святого Петра Афонского, знаменитого отшельника Святой горы. Говорят, его борода была двенадцати метров длиной, он читал мысли и судьбы, как свитки, и ничего не ел и не пил, подобно бесплотным. Некоторые считают, что именно он учредил на горе братство невидимых подвижников, которые своим тайным молитвенным подвигом сдерживают силы мирового зла. Пока это братство существует, антихрист прийти не может, и конец света отодвигается на неопределенное время.

Все пустынники, что дерзали поселиться в пещере святого Петра, быстро сходили с ума, и их тела после смерти не разлагались, что считается в афонской традиции самым дурным признаком. Чтобы отвадить чересчур самоуверенных подвижников, несколько столетий назад лаврским властям эту пещеру пришлось даже замуровать.

Второе место – Антиафон, или, как его еще называют, малый Афон. Это небольшая гора, которая находится немного к северу от вершины великого Афона. Там были и есть походящие для безмолвия места, но почти все монахи, которые пытались подвизаться близ малого Афона, впадали в прелесть или кончали с собой. Больше туда никто не осмеливается даже и приходить. Старые монахи поговаривали, что Антиафон – место обитания самого дьявола, который там устраивает планерки – отдает приказы бесам, летящим оттуда, словно летучие мыши, в разные стороны Святой горы искушать подвижников благочестия. Однажды ночью на вершине Афона во время бдения – как раз было Преображение Господне – многие видели, как над Антиафоном струились многочисленные языки пламени и слышался странный хохот.

И, наконец, Морфино – бывшее святилище черной Венеры, одинокая башня.

К этой башне, хотя она была не так далеко от дороги, совсем нет тропинки. Путь особорьяным туристам преграждают колкие тернии и цепкие кустарники. Те рабочие, албанцы, которые трудились на арсане⁸, божились, что не один раз видели близ башни огромного аспида – их почти не осталось на Святой горе, а может быть, и совсем уже вымерли. Змей зловеще повис на колючем дереве, как бы преграждая путь к своей владычице – черной Венере, глядя на рабочих умными злыми глазками и предостерегающе шипя. Его шипение – миллионы распыленных капель смертоносного яда, убивающего на расстоянии полутора метров. Морфино!

Роман неожиданно для себя спросил:

⁷ Самодержец, византийский императорский титул.

⁸ Пристань.

– Отец Гавриил, почему греки не уничтожают языческие капища? Одно из них находится прямо близ лавры, другое – в Железном дворце и вот Морфино возле самой лаврской пристани?

Старый монах засмутился:

– Ты знаешь что? Когда я еще подвизался в Керасях, отец Дионисий благословил меня однажды разбить капище Аполлона, что в Железном дворце. Там, если ты знаешь, сохранился целый алтарь, большой такой, и с кровотоком. Видимо, в древнем Акrostихе эллины приносили богу солнца гекатомбы. Старец по секрету сказал мне, что ему было одно видение, будто над этим алтарем в огромном множестве собираются бесы. «Разбей его, сынок, – сказал он мне, – и Бог благословит тебя».

– И что, ты разбил?

– Да нет, не захотел связываться.

– С бесами?

– Да с какими бесами, Роман?! – Гавриил махнул рукой и иронично рассмеялся. – С греками! Ведь эти капища – памятник древнегреческой культуры. Меня могли бы за такой вандализм надолго посадить в тюрьму. Отец Дионисий, видно, не учел этой маленькой детали. Ты же знаешь, какие греки гордые, их монахи готовы хвалиться даже кровотоками на языческих алтарях своих предков.

Роман улыбнулся и завел машину. Луна уже расцвела в полной силе в темнеющем небе, плывя, словно пиратская галера, мимо афонской горы. Точно такая же картина была и в ту самую ночь в Карпатах...

...Когда друзья приехали к замку Влада Цепеша, прообраза легендарного Дракулы, была уже ночь. Звезды окружали луну, как цыплята наседку; горы, освещенные серебряным светом, превращались в недобрую сказку, где жили упыри, вампиры и вурдалаки. Замок Влада Цепеша стоял высоко на неприступном холме, словно грозная твердыня зла. Короче, все было, как и обещала Мариша, прикольно.

Конечно, замок этот был не Цепеша, но туристам, ищущим острых впечатлений, «втирали» именно эту версию, наверное, потому, что остальные замки Карпат уже давно разрушило время. На расстоянии километра от средневекового строения дымились костерки, разведенные кочующими цыганами, где-то слышался грубый смех и недовольные женские крики.

Пьяные рокеры, просветив фарами автомобиля подходящее место, также насобирали хвороста и разожгли костер, достали из багажника спиртное и купленные в магазине продукты. Все стали пить, гулять и веселиться. Луна обостряла мистические чувства, и Мирче подбил ребят обратиться к Дракуле с просьбой помочь им в осуществлении проекта.

– Хей, Влад! Где ты спрятался, зубастик? Выходи! Тебя ждут «бешеные даки». Мы хотим заключить с тобою пакт! – Молодежь глумилась и веселилась на полную катушку. Цыгане, привлеченные шумным весельем «бешеных» и их подруг, пришли посмотреть, кто прибыл в Карпаты в такую глубокую ночь.

– Здорово, ребята! Что вы здесь делаете? – Старый закопченный цыган в шляпе с пером подошел к их очагу. Будто злой оборотень, вышел он из темных тайников Карпат.

– А тебе какое дело, чувак! Шел бы ты отсюда! – «Бешеные даки» всегда старались оправдать свое название соответствующим поведением.

Старик оказался не робкого десятка:

– Ребята, наш табор расположился здесь, неподалеку, и мы уже собрались спать. Завтра с утра мы выдвигаемся к Фагарашу. Давайте-ка потише, а то у вас появятся проблемы. – Цыган щелкнул пальцами, и языки пламени облизили еще две поджарые, как у собак, фигуры его появившихся из ниоткуда единокровцев.

Мирче поправил свою бандану и, играя поднятой с земли монтировкой, направился к цыганам:

– Че ты сказал?! Ты что, угрожаешь нам?

Девушки принялись успокаивать буяна, но «бешеный дак» не унимался:

– Вы посмотрите, какой-то грязный цыган смеет нам указывать. Хочешь получить? А? – Мирче смело подошел к цыганам.

– Нет-нет! – Старик, казалось, пошел на попятную. – Все нормально. Просто поймите, ребята, мы хотим спать. – Старик почти мило улыбнулся и стал разводить руками, словно пытаясь загладить свою первоначальную наглость. – Все, уже уходим.

Мирче обернулся к испуганной Марише:

– Девочки, не бойтесь, это всего лишь грязные цыгане. А! Что это? – Почувствовав внезапную боль, «бешеный» схватился рукой за правый бок и ощутил липкость бьющей почти фонтаном крови. Обернувшись, он увидел убегающих во тьму цыган и услышал плачущий вскрик Мариши: «А-а! Мирче убили!»

Рокер левой рукой стащил с головы бандану и упал на землю от неожиданной слабости. Из раны вместе с кровью выходил со змеиным шипением воздух – было пробито легкое. Мирче захрипел:

– Вот сволочи!

Ребята вдруг поняли, что все происходящее уже вышло за рамки простой игры, и замесались вокруг, причитая и в то же время ободряя Мирче. Все стали суетиться; посоветовавшись, часть ребят поехали в Курто де Арджес за врачом, часть остались ухаживать за ослабевшим Мирче. Его наскоро перевязали и уложили на собранные куртки.

Через несколько минут, когда раненый рок-музыкант, лежа, стонал и истекал кровью, листва небольшой рощи, словно от ветра, зашевелилась, и будущий монах Роман увидел его. Это был Дракула. Он был подобен дьяволу с древних церковных фресок, глаза – два факела адского пламени, за плотно обтянутыми черной кожей плечами виднелись два бугорка, напоминавшие сложенные крылья. Его улыбка была порождением самой смерти, от нее веяло торжеством хищника, наконец поймавшего свою добычу. Чудовище ломало цепкими лапами ветки, шло или даже ползло по направлению к поверженному рок-музыканту. Его тело, напоминавшее черный расплавленный металл, вытекало из чащи, готовясь поглотить душу Мирче. Дым сопровождал его, дым и запах серы. Казалось, никто из присутствующих больше не видел его, внимание друзей было приковано к самому Мирче, и все с тревогой отметили, как он напрягся и выпучил глаза, глядя куда-то вдаль, по телу пошли судороги – это были признаки предсмертной агонии.

Мирче, дрожа от страха, понял, что чудовище пришло за его душой.

– Ну что? Я слышал, ты хотел заключить со мной пакт? – Голос Дракулы был спокоен и даже в общем-то приятен.

Мирче стал бормотать слова всех известных ему молитв, просить Бога о помиловании, обещая исправиться. Чудовище протянуло к нему обе суковатые лапы:

– Это тебе уже не поможет!

И тут Мирче понял, что его жизнь на этой земле закончена, мало того, за чертой, где обитает смерть, ему уготовано вечное рабство в лапах этого чудовища, без надежды на возвращение, без единой капли радости. Он отчаянно закричал, чувствуя, как сознание покидает его, пока полностью не отключился...

...Намтег наконец заехал на территорию Продрома, и монахи вышли из машины, отряхивая с подрысников комья земли и пыль. Приветливый эконом отец Стефан пригласил их на вечернюю трапезу, приготовленную специально для сборщиков винограда. Зайдя в расписанную старинными фресками трапезную, монахи помолились и сели за стол в гордом одиноче-

стве. В скиту заканчивалось повечерие, почти все насельники Продрома были в Кафоликоне, исключая мойщиков посуды и трапезника.

Роман немного помолчал и сказал своему авве:

– Я много думаю, отец Гавриил, о том, что именно тогда, в ту злополучную ночь, со мной произошло. Кого я встретил, истекая кровью, в холодных Карпатах? Врачи говорили, что это лишь галлюцинация от выпитого алкоголя, нервного потрясения и от потери крови. Старец Дионисий благословил меня вообще забыть все, что я видел, но я не могу... – Монах закрыл усталое лицо руками. – Иллюзия это или реальность?

Отец Гавриил задумчиво ответил:

– Роман, как я думаю, вампиры все-таки существуют, но, само собой, не такие, как в голливудских фильмах. Ты знаешь, я ведь в Кишиневском университете закончил исторический факультет. Один из наших преподавателей втайне исповедовал православие. Я его считая моим первым учителем. Мы с ним часто откровенно беседовали наедине, он однажды и рассказал мне правдивую легенду о Дракуле. Она достаточно короткая, если хочешь, я тебе ее перескажу.

Роман заинтересованно наклонил голову и отодвинул пустую тарелку:

– Конечно, отец Гавриил. Расскажи, будь добр.

– Ну, давай чуть-чуть вина? А? – Старый монах налил два стакана прекрасного монастырского вина, а Роман, огладив рыжеватую бородку, приготовился слушать.

– Значит, так. Царь Владислав Цепеш был бы для нас, румын, национальным героем, если бы не одно обстоятельство – он в конце своей жизни принял католическую веру. То был суровый пятнадцатый век, армия великого султана Мехмета II Завоевателя разрушила великий Константинополь, полчища турок прорвались на Балканы, и именно Влад Цепеш первый успешно бился с ними. Он, конечно, был жестоким царем Мунтении – горной страны, но ведь жестокость была языком того времени, и его действия не были в Европе исключением. На кол он сажал только преступников и предателей, умел быть как милостивым, так и справедливым.

Как я уже сказал, Цепеш не побоялся разрушителя Византии и смело противостоял ему. Войска Мехмета были разбиты наголову значительно меньшими мунтеньскими силами. Мехмет возвратился в новую столицу развивающейся османской империи – Истанбул и обрушил свой гнев на тамошних христиан, обратив великую святыню греков – Святую Софию – в мечеть. Подобно скорбящим у Стены плача евреям, гордые греки до сих пор оплакивают свою потерю. Во всех афонских монастырях в «красном углу» непременно висит изображение Святой Софии, правда, без минаретов, что, увы, не соответствует действительности. Так Бог наказал греков за их гордыню.

Мехмет пытался склонить Влада на свою сторону богатыми посулами и уговорами, но тот оставался непреклонен. Тем не менее Цепеш бесконечно не мог самостоятельно отражать натиск свирепых турок, и он принялся искать союзников. Греки были подавлены, русские вообще видели в Турции союзника и не собирались спасать Европу.

Тогда Влад обратил свое внимание на мадьяр. Венгерский король Матияш Хуньяди очаровал Цепеша, и тот принял католицизм в обмен на помощь Рима и Венгрии. Его отец Влад Старший был членом великого ордена Дракона, основанного германскими императорами, и давно участвовал в их заговоре против Рима. Тайное учение этого ордена неизвестно, но многие считают, что оно носило дьяволопоклоннический характер. Новая грозная сила, пришедшая с востока, изменила расстановку сил в Европе. Влад Старший уже подумывал о том, как бы ему примириться с папой в обмен на финансовую и военную помощь против турок. Он даже начал с Ватиканом переговоры, во время которых, правда, и умер. Цепешу нужно было всего лишь возобновить начатый отцом процесс. – Отец Гавриил допил вино и внимательно посмотрел на собеседника. – Здесь начинается самое интересное.

Мало кто знает, Роман, что у свирепого Цепеша был брат-близнец. Их отец хорошо понимал, что после его смерти братья начнут междоусобную войну за престол, и решил предотвратить будущее кровопролитие. В самом раннем детстве одного из них Влад Старший посвятил Богу и отдал на воспитание достойнейшим старцам в древний афонский монастырь, другого царь посвятил Мунтении. Так получилось, что лучшая, светлая часть души царя перешла к Владу Монаху, а его темная сторона, которая поклонялась дьяволу в образе дракона, – отсюда и прозвище Дракула, – досталась в наследство Владу Цепешу – сажателю на кол.

Последний еще мог сдерживать наследственное зло, пока хранил святую православную веру. Но как только он принял католицизм, Бог оставил мунтеньского царя. Король Матияш с помощью войска восстановил его на валашском престоле, и Цепеш правил еще более года, воздвигнув жестокие гонения на православие. Тогда и пришел к нему брат-близнец, ставший к тому времени игуменом монастыря и одним из самых уважаемых старцев Святой горы. Он, услышав о бедах, в которые погрузилась его родина, вернулся в Валахию и начал обличать правителя в вероотступничестве и жестокости. Цепеш хотел уже было посадить дерзкого игумена на кол, но, пораженный необычным его сходством с собой, спросил брата:

– Кто ты, чернец?

– Мое имя Евангеликус, я игумен святогорского монастыря и твой обличитель.

Цепеш удивился:

– Ты не боишься обличать меня? Ведь я могу подвергнуть тебя жесточайшим мукам, и, поверь мне, я сделаю это с удовольствием.

Влад Монах несколько не испугался:

– Не трать свое время понапрасну, сажай меня на кол или слушай.

– Ну хорошо, говори. – Цепеша всегда восхищала чужая смелость, особенно твердость духа перед лицом неизбежной смерти.

– Ты же, следуя католическому обычаю, причащаешься облатками, царь? А кровь? Крови-то Господа не пьешь. Но в Писании сказано: «тот, кто не ест тела Моего и не пьет крови Моей, не наследует жизни вечной». Если ты не пьешь Его крови, ты проклят.

Цепеш вдруг пришел в бешеный гнев, жилы на его шее вздулись:

– Чем ты лучше меня, чернец? Значит, ты, трусливо сидящий в своем афонском убежище, будешь жить вечно, а меня, защитника страны от турков, ждет проклятие и смерть? Несправедливо! – Царь презрительно ухмыльнулся.

– Не тебе судить дела Божьи!

Цепеш рассвирепел:

– А почему я не могу судить Его дела?! Раз, как ты говоришь, Бог обрек меня на вечное проклятье, Он мой враг. Но что я сделал Ему плохого, чтобы заслужить это проклятье?

– Ты отступил от святой веры предков и от заповедей Христовых. – Евангеликус понял, что его земная жизнь подходит к концу, и молил Господа, чтобы Он даровал ему достойную мученическую кончину.

– А ты уверен, что кровь Христова дает жизнь вечную? – Цепеш вдруг успокоился и посмотрел, словно в светлое волшебное зеркало, в аскетическое лицо брата.

– Да, царь, но тебе теперь это недоступно. На веки вечные ты проклят.

Монах не препятствовал слугам царя связать его и подвести к трону. Его поставили на колени, и монах еще раз твердым тоном изрек свое проклятие.

Цепеш в ответ улыбнулся и острым серебряным ножом, принадлежавшим их отцу – Владиславу Старшему, быстро перерезал своему брату горло, собрав в золотой кубок пролившуюся кровь святого.

– Если кровь Богочеловека дает вечную жизнь в Царствии Небесном, тогда кровь человеческая должна мне дать, по крайней мере, долгую жизнь здесь, на земле. И ты, чернец, передай это Богу! – И он оттолкнул ногой тело мученика Христова, отпив из кубка его жизни.

После братоубийства Цепеш взял себе новый неслыханный обычай – в каждый день своего причастия он выпивал еще и чашу свежей человеческой крови, думая, что это продлит его существование на земле. Проклятый небом, он не хотел умирать, понимая, что после смерти обречен на адские муки.

Но на земле ничто не вечно, и Влад Цепеш нашел свою гибель на бранном поле, сражаясь с турками. Его израненное тело перенесли в фамильный склеп, где положили рядом с гробницей отца. Разрешительную молитву ему читал кардинал, архиепископ Будинский, и сам папа римский записал его имя в личный поминальный синодик.

Прошел год, по Валахии с быстротой ветра пронесся слух – из склепа пропало тело бывшего царя Владислава Цепеша. Обстоятельства пропажи неизвестны до сих пор. Это и породило легенду о вечном вампире, пьющем человеческую кровь, таким образом поддерживающем свое существование и спящем днем в гробу, крышка которого скрывает его от губительных лучей солнца. Валашские женщины сотни лет пугали Дракулой своих непослушных детей, и если кто-нибудь пропадал без вести, все считали, что его убил сам Влад Цепеш, заключивший с дьяволом сделку и превратившийся в вампира.

Роман, внимательно выслушав эту легенду, спросил отца Гавриила:

– А ты уверен, что Дракула на самом деле умер? – Монахи допили вино и сидели в пустой трапезной под расписными, потрескавшимися от старости сводами.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты вначале сказал, что вампиры все же существуют – не сказочные летающие существа, как в голливудских фильмах, но все же они есть. А теперь ты говоришь, что это всего лишь одна из тех валашских легенд, что рассказывает внуку беззубая бабушка, одетая в чепец, зимним карпатским вечером. – Роман немного рассердился. – Понимаешь, отец, я видел его; чудовище ответило на мой беспечный, глупый вызов, и эта встреча со злом изменила всю мою последующую жизнь. Я же был подонком, не желающим в рай и не боящимся ада, – теперь я не просто христианин, но и афонский монах. Мать Божья привела меня в Свой удел, чтобы спасти из тьмы. Если мы, православные христиане, верим, что святой Георгий порастил дракона, требующего у селян в пищу себе молоденьких девушек, почему бы и не поверить в существование такой формы зла, как Дракула?

Отец Гавриил вытер усы и бороду оранжевой салфеткой и, ничего не отвечая, встал из-за стола. Монахи прочитали благодарственные молитвы, и молдаванин медленно подошел к северной стене древней трапезной. Он замер перед ней, внимательно изучая изображенный эпизод священной истории.

– Посмотри на эту фреску, Роман.

Монах присоединился к старику и с интересом взгляделся в изображение. Там, в небесном раю, рукою неизвестного иконописца, вдохновленного Святым Духом, была детально передана жестокая битва архангела Михаила и восставшего против Бога Денницы с третью уже темнеющих ангелов. Архистратиг небесных воинств с лучезарным мужественным лицом держал острый сверкающий меч в правой руке, в левой же – какой-то прекрасный розовый цветок. Отец Гавриил с сочувствием посмотрел на молодого монаха:

– Ты знаешь, почему иконописец изобразил архангела Михаила с лотосом? Нет? Так слушай!

По одному забытому в наше время преданию, эта первая битва мироздания шла четыре дня, начинаясь с рассветом и прерываясь вечером. Конечно, небесные силы могли бы сразу сокрушить восставшего ангела, но Господь желал дать ему шанс на покаяние. Три раза Бог призывал Денницу, трижды тот отвергал милость Божью.

Когда противник с частью уже превратившихся в бесов ангелов наконец был извергнут во внешнюю тьму, ликующий архистратиг посадил на земле самый красивый цветок – символ победы добра над злом и в то же время долготерпения и милости Божьей, в напоминание людям

о той предвечной битве. Как ты знаешь, лотос утром раскрывается, а вечером вновь смыкает лепестки, цветет он ровно четыре дня, и прекраснее этого цветка нет ничего на свете.

Поверженный Денница, однако, не перестал бороться с Господом – потерпев поражение на небе, он надеется победить уже здесь, на земле. Но теперь полем битвы является человечество, каждая человеческая душа. Для Бога эта битва еще короче, чем небесная, но для нас, людей, она длится уже тысячи поколений. Как говорил апостол Петр, «...у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день».

Сейчас Бог, прокляв Денницу на веки вечные, призывает к покаянию уже нас, а враг надеется, что люди в конце концов последуют его примеру и отступят от Первоисточника жизни.

Что же касается современных дракул, так я сейчас объясню. Это дикое суеверие, что, употребляя человеческую кровь, можно продлить собственную жизнь, было чрезвычайно распространено в Средние века. Помимо Дракулы и маршала Франции Жилия де Рэ, было множество дворян и влиятельных особ, иногда даже королей, желавших долго наслаждаться грехом и для этого заключавших сделку с дьяволом. Средневековые судебные процессы кишат подобными примерами.

Неожиданно это древнее жестокое суеверие нашло себе научное оправдание в наши дни. Отец Стефан, который был в миру нейрохирургом, как ты знаешь, не мог больше заниматься врачебной практикой. Как-то раз я задал ему вопрос о причине его ненависти к однажды выбранной и ранее любимой профессии. Он рассказал поразительные вещи: оказывается, сегоднешние дракулы платят огромные деньги за переработанную плоть абортированных младенцев. Безжалостные доктора кладут тельца невинных младенцев в центрифугу и выделяют из них какие-то стволовые клетки. Потом их вкалывают в спинной мозг богачей, омолаживая их стареющий организм. Стоимость одной такой инъекции – десять тысяч долларов. Как таких людей еще назвать, как не вампирами и людоедами? Отец Стефан, как только в одной европейской клинике ему предложили заняться этим бизнесом, возненавидел собственную профессию. Но эта ненависть, как ты уже понял, промыслительным образом помогла ему обрести другое, более высшее, призвание.

А тебе, Роман, я все-таки советую: не презирай слов старца. Если отец Дионисий сказал тебе, чтобы ты забыл про это явление, то забудь. Наши мысли определяют внутреннее состояние; если они будут темными, мы привлечем к себе тьму. – Отец Гавриил похлопал монаха по плечу. – Ну! Пойдем отдыхать? Ангела-хранителя тебе на сон грядущий.

Роман, попрощавшись со старым молдаванином, пошел в свою келью. Память вновь принялась обрисовывать ему картину той ночи, когда истекающий кровью рок-музыкант встретился с древним злом. Молодой монах встал на молитву, отгоняя страшные воспоминания. Луна, заглядывающая в его келью, столкнулась с щитом веры, отражающим ее серебряную злобу.

Тяжело вздохнув, древнее зло потеряло интерес к монашеской келье румынского скита Продром и обратило свой в красных прожилках глаз в Карпаты. Над горами сгустились тучи.

Змеи

Змеи издавна служили символом самого зла. «Змей был хитрее всех тварей полевых», – написано уже на первых страницах книги Бытия. Глубинный змий, обитающий в недрах человеческой души, аспид, ехидна – всегда были враждебны людям. Правда, существовал еще и медный змей пророка Моисея, но он был искусственный, да и единичный в своем роде. Змеи! Проклятием человечеству живут они на белом свете, поедая крыс и жаб и скрываясь в расщелинах и норах.

В Греции очень любят предание об основании Константинополя, будто бы святой император Константин Флавий при закладке этого города видел в присутствии народа необычное знамение: из норы вдруг выползла большая змея и поползла по земле, но тут с неба ниспал орел, схватил ее когтями и взмыл ввысь. Змея стала обвиваться вокруг орла и в конце концов одолела птицу. Животные упали на землю, и люди, убив змею, освободили орла. Император созвал именитых книжечеев и мудрецов, дабы они разъяснили это знамение. Их собор постановил, что орел – символ христианства, а змея – противоборствующего ему зла. И раз змея одолела орла, город будет впоследствии захвачен злыми силами, но так как люди убили змею и освободили царственную птицу, напоследок христиане снова овладеют городом и воцарятся в нем. Греки до сих пор надеются, что Стамбул будет отвоеван и снова станет прежним великим Константинополем.

На Афоне живут четыре вида змей. Отец Варсонофий не помнил их всех по названиям, но хорошо знал каждый вид. Его память хранила многочисленные случаи встреч с ними, порой опасные и грозящие смертью. Он знал повадки, характер и степень ядовитости каждой змеи. Он встречал и убивал змей, но в то же время любил их. Можно сказать, они были его страстью; иной проживал на горе двадцать лет, но не видел ни одной змеи, а этот молодой монах встречал их летом чуть ли не каждый день.

Варсонофий жил один в старом русском скиту Ксилургу как смотритель. Этот скит слышет самым древним поселением русских на Афоне, а может быть, это и вообще первый русский монастырь в истории. Название «Ксилургу» в переводе с греческого значит «Древодел», оно не лишено иронии. Дело в том, что русские монахи, когда пришли на гору, стали строить храмы и кельи из дерева, но жучок быстро сточил их, и одумавшиеся русские начали учиться строить из камня, как и аборигены. Но насмешливая кличка «древоделы» надолго прилепилась к пришельцам.

Эти монументальные каменные храмы, братские корпуса и подсобные помещения, как и бизюли – стены из валунов и булыжников, которые в огромном количестве встречаются на Святой горе, показывают нам, современным монахам, как тяжел был труд монахов тех времен. Ведь тогда не было ни кранов, ни тракторов, ни цемента.

В прошлом веке Ксилургу принадлежал болгарам, которые называли его «Славяно-болгарский скит Богородица».

Демоны уничтожили здесь всю монашескую жизнь. Страсти под их руководством разгорелись тогда нешуточные. В начале двадцатого века скитоначальник, болгарин Михаил, приблизил к себе одного аргата – трудника, который был родом из Македонии. Этого аргата звали Даниил, под крылом отца Михаила за несколько лет он вырос до иеромонаха. Как и многие другие благодетельствованные, Даниил возненавидел своего благодетеля. Затем начались настоящие интриги мадридского двора – совершенно недостойные монашеских события.

Даниил решил установить в скиту македонскую власть; болгары, считающие македонцев одной из ветвей своего народа, верили им, но напрасно. Искушенные сатаной македонцы устроили настоящий заговор и свергли власть отца Михаила. В результате было убито три болгарских монаха. Нельзя сказать, что для Святой горы это было событие из ряда вон выходящее. К

примеру, несколько веков назад братья одного из святогорских монастырей выбирали игумена, но не смогли определиться с кандидатурой – часть была за одного монаха, другая – за злейшего врага первого кандидата. Дискуссии дошли до настоящих потасовок, и одна из монастырских партий захватила власть, выставив противоборствующих за ворота обители. Те, однако, не растерялись и купили у пиратов мушкеты. Затем они принялись штурмовать монастырь. В дело вмешались турецкие сердары, завязалась настоящая битва, и многие не понимали, за что они, собственно, бьются. В конце концов турки повесили обоих кандидатов в игумены и главных зачинщиков свары. Эта губительная для обеих сторон война длилась неделю. Так что кровь и убийства для Афона дело не новое. Но этот случай в Богородичном скиту все же шокировал многих.

Старцы русского Пантелеимонова монастыря, на территории которого и находится скит, вмешались в его дела и сменили власть. Виновные в убийствах были серьезно наказаны. Тем не менее милость Божья отвернулась от Ксилургу, и нормальной монашеской жизни там больше никогда не было.

После этого безжалостного кровопролития Ксилургу начал быстро хиреть, и бывшее многочисленное братство стало распадаться. Несколько пожаров довершили дело. Теперь скит представляет собой груду развалин, где гнездятся змеи. Небольшой храм Успения Божьей Матери сиротливо стоит возле руин большого братского корпуса, рядом приютился другой корпус с внутренним храмом Кирилла и Мефодия, где осталось несколько келий, в которых еще можно жить. И еще чуть поодаль находится разрушенный храм святого Иоанна Рыльского, его крыша провалилась внутрь храма; весь общий вид скита Ксилургу представляет собой весьма унылое зрелище. Самое страшное, как сказал при последнем своем посещении отец игумен, что Ксилургу – первое поселение русских монахов вообще, поэтому это символ, не очень хороший для возрождающегося российского монашества. Особенно это чувствовалось в летние вечера, когда большая луна плыла над развалинами, а Варсонофий молился, как «ночной вран на нырище». Тогда приступали к нему страхования.

Наиболее частым было такое: он спал и слышал, как в дверь начинают бить кулаками и ногами, вперемешку с тяжелыми грязными ругательствами. Он открывал глаза и реально видел, как трясется под чужими ударами облезлая дверь его небольшой кельи. Стук сердца набирал обороты, пока он на самом деле не просыпался. Демоны выбирали правильное направление для ударов – Варсонофий был наслышан об ограблениях и даже убийствах одиноких монахов. Несколько раз подозрительные звуки слышались и у ворот скита; телефона здесь не было, сам скит располагался в большом овраге, и вела к нему воронкообразная дорога. Как-то раз, года два назад, пьяные рабочие, по всему – албанцы, перебрались через ворота и начали шарить по скиту, держа в руках фонарики. Варсонофий вышел во двор с вилами и закричал, больше от страха, чем от удали. Албанцы бежали, а могло бы быть и по-другому.

Страхование – вещь такая, что возможна не только во сне, но и наяву. Вечером, после молитвы, он неоднократно слышал своими ушами, как на развалинах кто-то ожесточенно спорит, затем лязг копий и мечей и наконец плач, более напоминающий волчий вой.

Как его учили старцы, самое главное во время страхования – это не испугаться. Если враг пробьет в сознании брешь, страх немедленно наполнит душу и может даже убить. Поэтому Варсонофий никогда не вникал: что, почему и зачем он это слышит. Просто старался побыстрее все забыть. Во сне он часто видел жестоких могучих воинов, облаченных в металлические латы. Они били кривыми саблями о треугольные щиты и бешено требовали крови. Казалось, воины были полны ярости, но не имели объекта, чтобы ее выплеснуть. Они буквально захлебывались в злобе и мучительно жаждали войн. Варсонофий, по совету духовника, старался не обращать внимания на эти страхования, но все же они накладывали свой мрачный отпечаток на его душу. Наверное, сонные видения были полны тех же самых демонов, которые подбили Даниила с македонцами на злодеяние. Они ждут, перезревшие в злобе, новых подвижников,

готовых вступить с ними в битву. Будут ли такие? Это место видело многих, есть даже древнее предание, что родоначальник русского монашества святой Антоний Киево-Печерский постриглся не в Есфигмене, а здесь, на Ксилургу. Тем опасней было жить и подвизаться в скиту. Чем святее место, тем сильнее духовная брань. Но Варсонофий считал себя не каким-то воителем духа, но тем, кто он есть на самом деле, – смотрителем скита. Это смиренное мнение о самом себе монах выстрадал среди многих искушений плоти и духа, после которых шоры с глаз спадают, и ты видишь себя таким, как есть. Но тем не менее чувствовалось, как в воздухе вибрировали невидимые враждебные силы, воздействующие на сознание.

Один известный афонский старец сказал когда-то Варсонофию, что каждое место имеет своих особых демонов. Поэтому и искушения везде разные. Духи злобы также подразделяются на виды и разнятся по своей силе друг от друга. Но люди стали сейчас слабей, а демоны еще хитрей и злобней. Лишь молитвы живших здесь святых и старцев сдерживают их яростный напор. Варсонофий часто думал, что мирские люди просто не понимают смысла монашества, потому как невидимая брань – дело очень тонкое и темное, даже для просвещенных великих умов человечества. Аскеза – это сила, напрягающая дух подвижника; чем сильнее напряжение, тем отчаянней сопротивление. И в этой непрестанной, ожесточенной и невидимой борьбе подвижник приобретает неоценимый опыт, который непонятен всем, не идущим этим путем. Те, кто видит в аскезе лишь мазохизм или мракобесие, куда как заблуждаются.

Но старцы говорят, что дьявол в последнее время поменял тактику, он перестал нападать на подвижников открыто и ослабляет их мирскими вещами. Каждая такая вещь изменяет дух подвижника, он становится слабее и удобнее для бесовских манипуляций. Единственным спасением подвижников было кропотливое и неуклонное выполнение правила. Варсонофий не был сильным аскетом, но понимал, что на Ксилургу иначе нельзя: любое отступление от правила или устава – и в обороне появляется брешь, которой непременно воспользуется враг. Пару раз он позволял себе забыть о правиле, и последующие искушения напоминали ему о необходимости хранить его. Однажды его ранил большой кабан. Зверь выбежал из-за угла руин, когда Варсонофий, ругаясь, осматривал разоренный животным огород, и неожиданно ударил его клыками, похожими на маленькие бивни слона, прямо в бок. Вечером, как раз накануне, монах, сославшись себе на усталость, не выполнил положенное правило. И вот вам незамедлительный результат. Пришлось идти в монастырь и неделю лечиться, а за это время кабан полностью уничтожил все посадки.

Наконец, самое сильное по своему воздействию страхование посещало монаха не реже раза в месяц. Он тогда обычно не мог уснуть и находился в пограничном между сном и реальностью состоянии. Сначала, предвещая искушение, по телу начинали бегать маленькие мурашки, волосы, казалось, становились дыбом, и чувствовался запах не то гари, не то гниющей листвы. Сердце билось неровно, дыхание учащалось. И вот дверь аккуратно приоткрывалась. Из проема, словно из адского чрева, в его келью медленно заползал большой разноцветный аспид и смотрел на него своими умными, злыми и немигающими глазками-бусинками. Варсонофий всегда застывал под этим гипнотическим взглядом и считал красные и желтые кольца на его гладкой коже. Когда он заканчивал счет, змей приподнимал шею и открывал свою пасть, обнажая верхние ядовитые клыки. Варсонофий отчаянно закрывал лицо руками и слышал характерное шипение, после чего на тыльной стороне рук появлялись мелкие капельки распыленного яда. Он начинал кричать и просыпался с ладонями на лице, на которых выступала испарина пота. Это ужасное видение повторялось ежемесячно без каких-то существенных изменений.

Но этот аспид был не совсем демоном или нереальным существом, он, или, по крайней мере, такой же, жил в скитских развалинах, и даже кошки – издавшие всякое охотники – не решались напасть на него. Иногда он выползал погреться на солнце, подставляя лучам свою черную, в радужных кольцах, кожу. Он, как, впрочем, и другие змеи, не выказывал никакой

агрессивности. Змеи становятся опасными в двух случаях: весной, во время брачного периода, и если ты чем-нибудь их обидел. Змея обладает очень мстительным характером и может долго подкарауливать своего врага, чтобы потом неожиданно напасть на него. Лучше всего, если ты случайно наступил или как-нибудь еще обидел змею, сразу убить ее, или она будет пытаться убить тебя, и, возможно, успешно.

Аспид был настоящим хозяином этих развалин, он передвигался царственно и неторопливо, в его глазах застыла холодная злоба ко всему живущему и какое-то непонятное торжество. Впрочем, змей никогда не переползал за пределы руин и жил в густом терновнике, вдали от тропы. Основную тревогу зрителя вызывали маленькие и незаметные, но очень ядовитые ехидны. Они заползали даже в храм и келью, прячась от жары, и были похожи на сухие палки песочного цвета. Легко можно было зазеваться и наступить на какую-нибудь ехидну, получив в отместку смертельный укус в лодыжку. Также в скиту встречались узкие длинные змеи, которых Варсонофий окрестил стрелками. Они имели удивительную способность проникать в самую узкую щель и ползти по деревьям между ветвей со значительной скоростью. И еще на Афоне встречались большие черные гадюки. Отец Варсонофий видел здесь все четыре разновидности ядовитых афонских змей. Эти твари любят такие развалины, как в Ксилургу, потому что в подобных местах во множестве обитают серые и черные крысы – их основная пища. Особенно опасной была трава рядом со скитом, она буквально кишела змеями.

Варсонофий проживал здесь уже четыре года, до этого он жил в Пантелеимоновом монастыре девять лет на послушании просфорника – пек хлеб и богослужебные просфоры. Когда умер прежний смотритель скита, отец Варсонофий стал проситься у игумена на освободившееся место. Игумен на первых порах не хотел посылать молодого монаха, но после того как понял, что никто больше не хочет туда ехать, дал свое отеческое благословение. И вот он живет здесь уже четвертый год в тишине, которую нарушают ночные страхования и змеи.

Первым делом, переселившись на Ксилургу, отец Варсонофий завел кошку Марку и кота Барика. В посмертных вещаниях Нила Мироточивого он вычитал, что естественными врагами змей являются кошки; в их когтях содержится яд, который парализует нервную систему земноводных. Он недаром завел пару, желая вырастить небольшую кошачью стаю. Первый помет унесли орлы. Но уже через год в скиту было пять здоровых кошек. Наивные паломники, верящие, что на Афоне подлинно нет даже животных женского пола, всегда удивляются, откуда здесь столько котят. Варсонофий, улыбаясь, говорит им, что аист приносит. Потом, конечно, объясняет, что существует запрет на разведение домашних животных; он главным образом касается мулов и другого скота, но на кошек обычно не распространяется.

Летом основным занятием Варсонофия было в обязательном порядке скашивать траву, которая непрестанно наступала на скит. Трава росла так быстро, что необходимо было продлевать эту операцию ежедневно. Змеи любили ютиться в траве, скрывающей их от людских глаз и от предполагаемых жертв – крыс.

За четыре года кошки почти полностью разобрались с ехиднами и черными крысами и постоянно хотели есть. Варсонофий подумал, что пора бы монастырю прислать ему немного продуктов. Барик поймал ящерицу и грыз ее с хвоста. Остальные крутились вокруг, пытаясь вырвать у него из пасти кусок.

– Ну что вы, не можете попоститься, что ли? В Ниневии даже животные все, и те постились три дня! А вы? Эх!

Кошки и не думали поститься и терлись у его ног, выпрашивая пищу. Варсонофий взял в руки косу и начал молотком отбивать лезвие. Ему нужно было покосить траву рядом с развалинами братского корпуса. Он приготовил орудие и двинулся к месту, нащупав в кармане подрясника пузырек с водой.

Это была не простая вода, но в какой-то мере «волшебная» – аспидо нэро. Варсонофий лично ходил за ней в Великую лавру. Раз в четыре года там проводится необычный молебен:

в чан с водой опускают небольшого бронзового дракончика, и молящиеся могут видеть, как вода в чане начинает как бы кипеть. После проведения обряда эта вода приобретает чудодейственные свойства, и монахи многие века используют ее при змеиных укусах как противоядие.

Варсонофий всегда носил этот пузырек с собой. Конечно, еще сам Петр Афонский наложил на местных змей заклятье, чтобы те не смели нападать на людей, и действительно таких нападений на Афоне чрезвычайно мало, но все же береженого и Бог бережет.

Покосив траву, Варсонофий вдруг услышал шум в глубине развалин. Заинтересовавшись, он отложил косу и перелез через остов стены. То, что он увидел, поразило его воображение – три кота во главе с Бариком напали на местного хозяина руин – аспида и начали рвать его на части. Змей неожиданно вырвался и быстро пополз прямо к монаху, выгнув шею, приподнялся и зашипел, распыляя на расстоянии ядовитую жидкость. Варсонофий инстинктивно закрыл ладонями лицо и почувствовал на них капельки липкого яда. Кошки же догнали свою жертву и стали бить ее передними лапами по голове, чтобы оглушить. Через минуту они уже разделались с аспидом и делили добычу. Посмотрев на довольных урчащих животных, рвущих безжизненное тело змеи, Варсонофий пошел мыть руки. Он также выпил и аспидо нэро, потому как был наслышан об опасных свойствах яда аспиды.

Вечером, окончив правило, Варсонофий ощутил в своем теле сильный жар и ухудшение самочувствия. Он закрыл на ключ келью и грузно лег на постель. Сердце билось аритмично, и монах обнаружил, что мышление у него спутанно и хаотично. Бред захватил сознание, Варсонофий понял, что яд змеи все же начал действовать.

Стены кельи из прямых превратились в волнообразные, дверь приоткрылась, и за ней зачернела глубина преисподней. Он посмотрел в эту непроглядную тьму и увидел старого знакомого аспиды, отчаянно извивающегося в безвоздушном пространстве. Его красные и желтые кольца невозможно было сосчитать. Станный голос из пустоты позвал: «Даниил!»

В ответ был лишь крик бесконечной боли; один такой крик способен довести до сумасшествия. Парализующий вопль, спрессованный вечным отчаянием, усилил сердцебиение отравленного монаха в два раза. В голодной тьме показалась еще и фигура бледного монаха восточной наружности. Вместо клобука на голове у него было некое подобие короны из костей. Его лицо было зеркалом страстей: злоба, властолюбие, жадность беспрестанно сменяли друг друга, словно вороны, дерущиеся за кусок брынзы. Варсонофий не понимал, что вокруг творится; не было ничего, кроме чувства собственного одиночества.

Затем он увидел, как аспид обвился вокруг шеи протестующего монаха и стал его душить. Монах обеими руками схватился за змея и пытался освободиться, его лицо искривилось от отвращения и беспомощной злобы; и вновь странный голос позвал: «Даниил!»

Змей напрягся и сдавил свои кольца, затем рванулся и полетел прямо в бездну, которой не было конца и откуда уже не было возврата. Вместе с ним улетел и Даниил. Через некоторое время Варсонофий увидел дюжину воинов в латах и средневековых доспехах, которые приходили в его снах и яростно били мечами о треугольные щиты; их лица были закрыты забралами. Старший из воинов спросил остальных: «Барьер разрушен?»

Другие бойцы утвердительно завывали и снова стали стучать кривыми мечами о щиты. Старший удовлетворенно прорычал: «Тогда все в бой!» Демоны приняли боевое положение и встали в строй. Потом они сомкнули щиты и пошли в неизвестном направлении. Дверь кельи закрылась.

Когда Варсонофий проснулся, он чувствовал себя более чем плохо. Пролежав до следующего дня, он понял, что надо попробовать добираться до монастыря. Еле доплетаясь до заградительного поста, который стоит на дороге в Ватопед, монах позвонил в Пантелеймон, и монастырь прислал за ним машину. На следующий день его срочно отвезли в Салоники, где ему сделали переливание крови и провели антитоксическую терапию.

Через неделю ослабевший Варсонофий вернулся в монастырь. Его вез с Салоников шофер отец Никанор, который, ободрив его, грустно заметил:

– Ты знаешь, что в России произошло?

– Что?

– Раскол, отец! – Никанор тревожно сжал баранку. – Около двухсот тысяч человек верующих официально отказались почитать Московского патриарха, эти люди захватили массу приходов по всей стране и не собираются их оставлять. Президент по телевизору уже выступил с обращением, призывая народ к порядку и взаимному пониманию, но раскольники без боя сдаваться не намерены. Они требуют от государства, чтобы их признали законным религиозным объединением и оставили за ними все захваченные храмы. В противном случае обещают идти на крайние меры, вплоть до самосожжения. И все из-за каких-то кодов, новых паспортов и прочего. Большая трагедия!

Машина тряслась по дороге, и Варсонофий, пытаясь осознать услышанное, глядел на засушливый греческий пейзаж.

– Да, это действительно катастрофа. И давно?

Никанор с секунду подумал:

– Вроде бы в тот же день, когда тебя в больницу повезли. Да, точно, это был понедельник.

Варсонофий закрыл глаза. Память вновь приоткрыла свою книгу, богато иллюстрированную ночными кошмарами. Аспид уносил в бездну свою очередную жертву. Демоны яростно били мечами по треугольным щитам, требуя войны.

И война началась.

Пьяница

Эконом русского Свято-Пантелеимонова монастыря на горе Афон отец Рафаил очень часто размышлял над словами Спасителя: «Не судите и не судимы будете». В миру он был профессором социологии и знал, что у любого коллектива есть механизмы саморегуляции, и если в нем появляется какая-нибудь паршивая овца, коллектив всегда стремится от нее избавиться. В этом отношении действия фарисеев, побивающих камнями блудницу, были исходя из воззрений того времени весьма логичными и даже правильными. По этим законам в той или иной мере живет любое человеческое общество. Может быть, Христос имел в виду, что нельзя кичиться перед согрешившим своей мнимой праведностью, ведь уже апостол Павел учил в своем послании: «Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницей, или хищником; с таким даже и не есть вместе. Ибо что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог. Итак, извергните развращенного из среды вас». По сути, как думал Рафаил, апостол языков предписывает более мягкое, но все же побивание камнями согрешающих.

Для эконома этот вопрос был занозой в его добром сердце. Возложенное на него послушание предполагало вынесение некоего суда над нерадивыми рабочими и нарушителями дисциплины, вплоть до их удаления из обители. Всегда, когда ему приходилось прибегать к крайним мерам, отец Рафаил очень переживал, и тогда он брал в руки Новый Завет, утешая себя словами любимого апостола Павла: «Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела? Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?»

А что же тогда имел в виду Христос, когда запрещал любое осуждение? Отец Рафаил понимал это для себя так. Господь говорил голосом любви, апостол Павел – здравого смысла. Любовь призывает сердце к бесконечному всепрощению, но здравый смысл, как уздой, сдерживает любовь, которая не должна ослеплять разум. Только Христос способен к всепрощению, человеку природой даны рамки. И если чья-нибудь любовь начинает отрываться от голоса разума, она очень быстро превращается в экзальтацию, и подвижник впадает в состояние прелесть. И наоборот, когда здравый смысл начинает холодеть и вырождаться в простой расчет, любовь напоминает о себе, разрушая пустые мудрования, которые, как соты, покинутые пчелами, уже не содержат в себе главного. Тогда любовь кажется безрассудной, но это не так – внимательный наблюдатель может только удивиться ее необычайной мудрости.

В сердце истинной любви живет великая мудрость; в сердце истинной мудрости живет великая любовь. И нет здесь никакого противоречия. Два верховных чина ангельских, пламенеющие любовью серафимы и мудрые многоочитые херувимы, имеют общее начало – непостижимый свет Божий.

Отец эконом шел в келью и заметил старенького монаха Иоанна, тяжело плетущегося по тропинке по направлению к морю, – это был позор их русского монастыря. Отец Иоанн был тяжелым запойным пьяницей, его не выгоняли из жалости, потому что Ванек, как его еще здесь презрительно называли, был уже шестидесяти лет от роду. К тому же он был старым школьным приятелем известного украинского старца схиархимандрита Захарии. Этот старец, ныне почивший, обладал как в России, так и на Украине непререкаемым авторитетом и имел очень влиятельных духовных чад. Это были представители так называемого «донецкого клана» – украинские предприниматели, владельцы предприятий черной металлургии и угольных шахт. Старец рассматривал собственную популярность как перст Божий и старался использовать связи и средства своих чад на благо матери Церкви. Его стараниями строились многие храмы и открывались монастыри. Люди любили Захарию за доброту и бескорыстие и

его молитвами, как и пламенными проповедями, сотнями вливались в ряды ведущих церковную жизнь.

Несколько лет назад отец Захария приезжал и на Афон погостить в русском Пантелеимоновом монастыре и привез своих благодетелей, которые имели желание и возможности помочь его восстановлению. Старец болел раком и знал, что дни его уже сочтены. Боли иной раз заставляли его стонать, но не лишали разума и присущей ему доброты. Он мечтал, что монашество, активно искоренявшееся в годы советской власти, скоро вновь расцветет на русской земле и светом своей любви и праведности привлечет к себе оставшийся без призора народ. Но пока его мечты не находили подтверждения в реалиях жизни. На Афоне отец Захария увидел совсем не то, что рассчитывал, но старался не показать собственного разочарования, памятуя древнее правило: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Вначале, как только стали открываться во множестве монастыри, православные люди думали, что скоро наступит короткая эпоха святости и процветания, предсказанная старцами. Отец Захария понимал, что это далеко не так просто, – настоящее возобновление монашеских традиций возможно только долгим, кропотливым трудом сотен глубоко верующих, бескорыстных и преданных этому делу людей. Особые надежды старец связывал со Святой горой, потому что здесь сохранилась древняя аскетическая традиция. Матерь Божья хранила Свой удел, и даже в самые худшие времена монашеская жизнь здесь не прерывалась. Много раз, словно от вечного светильника, русские подвижники с Афона приносили на родину огонь утерянной святости, искусство умного делания и науку нелицемерного послушания. Афон всегда подпитывал святую Русь.

Конечно, старец, приехав сюда, был разочарован, но, быть может, это оттого, что слишком уж многого он ожидал от Святой горы. Во всяком случае, афонские монахи не для того живут и молятся, чтобы оправдывать его ожидания. Да и время накладывает свой отпечаток, отец Захария это разумел и не пытался что-нибудь здесь исправить.

Он также понимал, что положение его друга Иоанна в монастыре нестабильное, и старался исподволь его укрепить. Однажды старец во время исповеди попросил своего влиятельного благодетеля помочь бедняге Иоанну. Ему была открыта вся правда о друге, и он хотел сохранить его для монашества. Угольный король согласился и, когда стал оказывать помощь афонскому монастырю, выставил игумену одно небольшое условие: чтобы отца Иоанна, как бы тот ни чудил, из монастыря не выгоняли, иначе он прекратит всякое финансирование. Игумен понял, откуда ветер дует, но мудро согласился на предложенные условия. Разумеется, об этом соглашении знали единицы. Многие вообще не понимали, почему Ванька еще держат в монастыре, а не гонят прочь, как шелудивого пса. Отец Захария уже почил, а Иоанн благодаря его проницательной доброте продолжал напиваться, и часто до положения риз.

Особенно было неприятно, когда Ванек появлялся перед гостями в замызганном, неприглядном виде. Греки искали любой повод, чтобы посмеяться над русским монастырем. Наиболее уязвимое место для насмешек было пресловутое русское неумение пить. Для греческих монахов, хоть устав и разрешал по праздникам вино, всякое употребление алкоголя было признаком дурного тона и распущенности. Многие греки вообще подчеркнуто не притрагивались к вину, и кувшины на их столах оставались полными. Русские афониты, главным образом келиоты и сиромахи, напротив, налегали на вкусное местное вино; за теми столами, где они угощались, кувшины быстро пустели.

Эта особенность русского менталитета была видна больше всего во время ежегодных пасхальных крестных ходов с широко почитаемыми иконами Матери Божьей Достойно есть и Иверской, иначе называемой Вратарницей. Крестный ход обычно проходил по всем кельям и монастырям, встречающимся на пути. И на каждой остановке хозяева этих келий или архондаричные монастырей угощали молящихся разнообразными сладостями и винами. В конце крестного хода, бывало, многие русские келиоты не стояли на ногах. Некоторые греки, те, кото-

рым был чужд дух истинного подвижничества, смеялись над бедными русскими, чем смущали истинных монахов, среди которых встречались и русофилы.

Однажды игумен Иверского монастыря после завершения такого крестного хода решительно осадил насмешников, сказав следующее: «Вот, нас здесь, греков, триста человек, и мы все трезвые, а русских всего тридцать, и они как один пьяные. Пусть мы смеемся, кичась своим мнимым превосходством, Матерь Божья все равно с ними».

Это, конечно, был жест великодушного сердца, но, увы, факты пьянства наших монахов не прибавляли русским уважения со стороны святогорцев других национальностей. В Пантелеимоновом монастыре с грехом винопития жестко боролись и пресекали любые поползновения в сторону стакана. Лет пять назад пришлось провести даже необычную столовую реформу. Сначала изменили устав: раньше полагалось вино на стол на каждый полиелей, теперь же только по воскресным дням и двенадцатым праздникам. Старые монахи принялись активно противодействовать нововведению, но силы оказались неравны. После нескольких лет борьбы сопротивление оппозиции, ратующей за старые свободные порядки, разбилось о гранитную волю молодых реформаторов – монахов, не так давно прибывших из России, которые хотели возобновить в обители настоящую монашескую жизнь, воздержанную и молчаливую.

Специфика русского характера все-таки налагала свой отпечаток на наше «трезвое» понимание афонского устава. Для греков, как и для других южных народов, выращивающих виноград, с давних пор употребление вина стало хорошей традицией. На юге оно словно чай, и разбавленное вино в Греции пьют в семьях даже подростки за общим столом. Русским же культурное употребление алкоголя, за небольшим исключением, недоступно. Это не есть наша вина, как и не преимущество греков, скорее особенность национального характера. Больше всего для русских монахов как бодрящий напиток подходит именно чай, который, кстати, на Балканах не уважают и почти не пьют.

Греки с давних пор очень любят нам перемывать косточки и вспоминают еще и такую историю. В Средние века русичи считались чуть ли не лучшими воинами на земле, и Византия нанимала их для охраны императорского дворца. Однажды охранники пировали в одном из залов и дошли до определенной кондиции. Внезапно их начальнику пришла в голову шальная мысль организовать дворцовый переворот. Сказано – сделано. Русские, обнажив мечи, дошли почти до самой спальни императора, но заговор был раскрыт, так как охрана буянила и шумела, и горе-заговорщиков скрутили. Те начали каяться и оправдывались, дескать, перепили вина. Император признал этот факт, в отличие от современных российских законодателей, смягчающим вину обстоятельством и переправил русичей на задворки империи – охранять государственные границы.

Неожиданно эта история в меньших масштабах какое-то время назад повторилась и на Святой горе, после знаменитого пасхального крестного хода. Несколько набравшихся келиотов вдруг обнаружили большую несправедливость в том, что греки захватили и не отдают знаменитый Андреевский скит. Необходимо как можно быстрее вернуть его назад, в русские руки. Опять же сказано – сделано. Хмельные заговорщики отправились штурмовать скит, по пути к ним присоединились еще несколько сиромых; грозным, но неровным строем двигались они к скиту, громким голосом взывая к справедливости. Их намерения были все налицо, и в дело вмешалась обеспокоенная полиция. Заговорщиков скрутили и после покаяния, точно так же, как и предков-охранников, простили. Отец Рафаил думал, что это ребячество спровоцировано мягким гостеприимным характером греческого народа. Вот попробовали бы в России эти ряженые монахи провернуть нечто подобное, вмиг бы узнали всю горечь настоящего поражения. А тут они позволяют себе все, что хотят, а греки по этим отдельным личностям составляют мнение обо всем русском народе. Беда!

В общем, монастырское начальство Пантелеймона, зная про все эти неприглядные факты, проводило последовательную политику борьбы с пьянством. Сначала, как уже говори-

лось, изменили устав и в полиелейные праздники начали обходиться без вина. Затем, по негласному повелению игумена, трапезники стали убирать недопитое вино со столов, так как после трапезы некоторые ретивые отцы часто захватывали неопорожненные графины в широкие рукава ряс для дальнейшего келейного распития. Монастырская кампания по борьбе с пьянством увенчалась успехом, злоупотребления постепенно прекратились. Только отца Иоанна приходилось еще терпеть. Старый монах понимал всю выгодность своей ситуации, но не слишком испытывал терпение священноначалия и пил столько же, сколько и до заключения сделки. Отец Рафаил был один из немногих, кто все знал, и негодовал на Ваньку, считал его паршивой овцой, из-за которой страдает здоровое стадо.

Игумен и духовник придумывали много способов, чтобы не исправить – об этом уже никто и не мечтал, – а хотя бы смирить его. Иоанна отправляли в скит, связывали, пугали психиатрической лечебницей, московским подворьем; монаха оскорбляли, не пускали на трапезу, запрещали появляться на людях. Все тщетно. Отец Иоанн был всегда неопрятно одет, и от него исходил неприятный запах, поэтому ел он за отдельным столом после общей трапезы. У него был странный статус – он официально состоял в числе братии, но все шарахались от него, как от прокаженного. Он исполнял послушание мусорщика, когда был в силах вытаскивать большие черные пакеты из контейнеров, или, в ином случае, просто чистил картошку и другие овощи для кухни. Это был морально опустившийся монах, казалось, совсем без совести и веры в неизбежное правосудие Божие. Его лицо было маленьким и сморщенным, как у мартышки, глазки испуганно бегали, а руки постоянно теребили сальную жиденькую бородку. Он мало с кем разговаривал, почти не причащался и мылся очень редко.

Вчера Рафаил подошел в трапезной к Ваньку, который отходил после очередного запоя. Он, видимо, плохо себя чувствовал и трясущимися руками накладывал себе второе.

– Послушай, отец Иоанн, я уже не знаю, какое тебе дать послушание. Картошку чистить? Так повар не хочет, чтобы ты появлялся на кухне. – Эконом действительно уже устал от нерасположенного монаха и, так как тот не уважал самого себя, говорил с ним достаточно бесцеремонно и даже с долей презрения. – Ты посмотри на себя! Позоришь только память своего старца. Отец Захария надеялся, что ты наконец справишься, но тебе, видно, это не под силу. Или же тебе нравится подобное пустое жительство. Нравится?

Ванек только недовольно буркнул в ответ:

– Нравится! – и стал доедать гречневую кашу, показывая всем видом, что ему наплевать на досадные нравоучения эконома.

Рафаил часто замечал, что, когда он разговаривает с Иоанном, в его сердце поднимается какое-то надменное чувство. Может быть, против этого призывал Христос, когда говорил ученикам: «Не судите и не судимы будете»? Но как с таким монахом, как Ванек, себя вести? Он абсолютно не принимает никаких вразумлений, проживая, как бельмо на глазу, свой бесцельный век.

– Значит, так! Быстро ешь и будешь с Петром убирать мусор, контейнеры два дня как полные. Он уже в гараже, заводит трактор. Феогносту же скажи, чтобы зашел в экономскую. Тебе понятно?

– Понятно, – все так же отсутствующе буркнул Ванек и налил себе компот, даже не смотря в сторону отца Рафаила. Эконом, стараясь не раздражаться, пошел к выходу из трапезной, думая, как велика милость Матери Божьей, что Она терпит подобных монахов, не достойных собственного призвания.

Сейчас эконом смотрел в сторону этого пропойцы, который с утра был уже навеселе, и внутренне кипел от праведного гнева. Его возвышенные размышления о мудрости, любви и прочем были прерваны фигурой монаха-пьяницы. Казалось, что невозможно было иметь в сердце любовь к нему или же мудро относиться к его пьянству; Ванек пробуждал в душе эконома только дурное – гнев, надменность, презрение – и этим самым обличал всю его мнимую

праведность. С другими Рафаил был весьма ласков, и братья любили его за добрый нрав. Эконом совсем запутался в своих чувствах и не знал, кого же винить – Ванька или себя самого.

Неожиданно ему в голову пришла мысль проследить за Ваньком и выявить, откуда тот берет спиртное. В монастыре, под угрозой отправления на московское подворье, запретили всем давать ему деньги или, упаси Бог, алкоголь, однако этот пройдоха частенько бывал под хмельком. Это все весьма странно. Рафаил, затаив дыхание, пошел вслед Иоанну. Тот шел в сторону мельницы святого Силуана; может быть, именно там был тайник хмельного зелья. Они двигались на расстоянии двадцати метров друг от друга, и Рафаил изо всех сил старался остаться незамеченным.

Наконец Ванек подошел к мельничному храму, огляделся, тяжело вздохнул и вдруг упал на колени. Он стоял на коленях возле мельницы, где работал великий Силуан, и бил себя руками по лицу и груди. Рафаил понял теперь, откуда у того появлялись синяки; он был рядом, за густыми кустами шиповника, и мог слышать, как пьяница плачет.

Его душа словно выливалась из глаз со слезами и падала ниц на каменную плитку, простираясь перед всемогуществом Творца. Он молил о помиловании, как уже осужденный, балансируя на грани надежды и отчаяния. В его плаче была и искренняя ненависть ко греху, желание высвободиться из его пут, и сожаление, что он не таков, как другие братья. Отец Иоанн рыдал, думая, что никто не видит этих слез, которые были насущной потребностью для его ослабевшего духа.

Рафаил, справившись с первым изумлением, понимал, что за все годы своего монашества он ни разу не каялся так, как этот с виду опустившийся монах. Он ни разу не плакал от великой душевной боли и старательно хранил мир. Но этот мир он получил даром, с рождения, а не добыл в борьбе со страстями, а презираемый всеми Ванек находится под их беспощадным гнетом, мучаясь и страдая, как никто другой.

Эконом тихо, чтобы Иоанн его не услышал, также опустился на колени и шепотом попросил у него прощения за все причиненные ему обиды, понимая, что горячий покаянный плач поверженного ниц пьяницы гораздо милее Богу, чем вся его прохладная праведность.

Хотя ему нужно было идти в экономскую, он продолжал стоять на коленях, пока Иоанн не выплакался и, испуганно озираясь, не пошел обратно в монастырь. Впервые за много лет Рафаил испытал в душе настоящее чувство умиления и еще глубже понял слова Нагорной проповеди, которую говорил Христос Своим верным ученикам.

Только одна Женщина

Душевную боль всегда очень трудно преодолеть. Когда страдает тело, сложно жить – страдания выматывают. Но если в тот момент тебя окружают люди, которые тебя любят, заботятся и понимают, твоя боль хоть и не уходит, но становится терпимой. Мало того, ты готов смириться с ней, увидеть в своей жизни новый смысл, тогда страдания приобретают характер плуга, вспахивающего землю твоего сердца. Совсем другое дело – предательство любимого человека, оно меняет мир, и он весь становится из радужного льстеца бездушным зрителем твоей душевной боли, жестоким свидетелем твоего поражения.

Я еду на Афон. Точнее, плыву вдоль него на большом неуклюжем пароме, любясь его сказочными берегами и каменными средневековыми постройками.

Что меня привлекло сюда, в обитель отшельников и молитвенников? Не знаю точно, может быть, Господь приводит к Себе и таким образом, тогда наше чувство юмора, несомненно, от Него.

Помню, однажды, во время тяжелой депрессии, я шел в магазин за пивом. Тяжелый взгляд, одутловатые щеки, неопрятная одежда – все во мне сигнализировало о неблагополучии. Внешнее – показатель внутреннего состояния, но и оно не отображало весь тот ад, который поглотил мою бедную душу. Я оказался гораздо слабее, чем думал, моя любовь разбилась о предательство, и жизненная сила вытекла на тротуар, превратив меня в собственную тень. И вот моя тень шла за пивом – жидкостью, обещающей заменить тебе все и способной превратить тебя в ничто.

В это время единственное, о чем я думал, была боль, стучащая в виски, поражающая тебя своим мрачным обаянием, боль огнедышащая, умеющая выжигать в тебе остатки человека. И вот неожиданно я встретил этого монаха, такого же неблагополучного, как я сам, растрепанного, собирающего подаяние в медный ящик, унылого и несобранного, но все же гордого тем, что он – служитель Божий. Эта гордость, точнее, плохо скрываемое чувство собственного достоинства, просачивалось сквозь сальную бороду и горело в глазах озорным огоньком.

– Подайте ради Христа, помогите храму девяти Кизических мучеников.

Я вдруг остановился и вперил в монаха свой потерянный взгляд:

– Слушай, ты, судя по одеянию, батюшка. Вот, моя жена ушла от меня, понимаешь, не я ушел – она ушла. Забрала сыночка и ушла. – Я покачулся и вытянул руки, словно пытаюсь поймать голубя, и, плаксиво насупившись, замолчал.

Монах остановился, деловито пощипал рыжую бороду и все с тем же озорным блеском в глазах ответил мне:

– Дурачок ты, ушла, и ладно, радоваться надо, а ты скорбишь. Эх, приятель, все это не от большого ума, скажу тебе. – Он как-то любовно, будто признав во мне своего, похлопал меня по плечу и продолжил поучение: – Женщины, брат, несут зло. Я, к примеру, был тоже женат. Представляешь, читаю однажды на кухне акафист Матронушке, моя подбегает и давай меня пилить. Дескать, денег в доме нет, а я тут молитвословиями занимаюсь. Ну подожди ты, не кошунствуй, говорю, дай, хоть акафист дочитаю. Нет, не унимается. Ладно, думаю, дочитываю акафист, собираю вещички – и в путь. Теперь нас только двое – я и Бог. – Монах заметил, что я разглядываю его ящик для пожертвований, и несколько смутился.

Я дал ему понять, что не заметил эту составляющую во взаимоотношениях его и Бога, и, взбодрившись, поблагодарил монаха:

– Спасибо, отец, наставил меня на путь истинный. Батюшка, ты полностью прав... Все они... Они...

– Да-да, ты меня правильно понял, главное, не отчаивайся, они этого не достойны. Как тебя звать-то? – Чернец достал листок бумаги и приготовился записывать.

– Иван.

– Иоанн, вот что я тебе скажу, закажи себе сорокоуст, стоит всего пятьдесят рублей, и я, грешный, помяну тебя в своих молитвах.

Я выложил предназначенные на пиво деньги и робко спросил:

– А есть ли на белом свете место, где вообще их нет?

– Их?

– Да, их – женщин.

Тут монах как бы весь изменился, и озорной блеск в глазах превратился в благоговейный огонь. Он поправил полу своего залатанного подрясника и вытащил из кармана пакет. Пронзительно взглянув на меня, монах почти прошептал:

– Есть такое место, смотри сюда. – Он раскрыл пакет, и я увидел фотографию красивого храма незнакомой архитектуры и в первый раз услышал это слово – Афон...

... Паром подплывал к очень красивому большому монастырю, я спросил у одного дьякона из Тамбова, с которым познакомился в Уранополи – «небесном» городе, где выписывают пропуск на Святую гору, – как называется радующая взгляд дивная обитель. Оказалось, что это наш русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Однако чудаковатый дьякон не очень-то его жаловал.

– Вот, брат, перед тобой так называемый русский монастырь, смотри и облизывайся.

– А почему так называемый?

– Да потому что хохлы его захватили.

– Хохлы? – Я сделал по возможности понимающее лицо, хотя для меня это все было больше чем непонятно. На данном этапе каждый человек с бородой и хвостиком волос, да еще если в черном одеянии, мне казался почти святым. И вот даже в таком святилище, как Афон, существуют обыкновенные земные противоречия. Отец дьякон уже навязал мне себя в гиды-переводчики, и теперь я совершенно зависел от него. Сначала мы должны были высадиться в афонской пристани Дафни, затем посетить одного известного старца-грека, которому я хотел задать очень важный для меня вопрос.

С того знаменательного дня, когда я встретил бродячего монаха с медным ящиком, прошло целое лето. За это время я здорово изменился – стал ходить в храм, исповедоваться и причащаться. Казалось, что я не просто изменился, а стал другим человеком. Вместо выкуренной сигареты я начинал день с утренних молитв, отрастил бороду и выбросил телевизор. Пиво и даже просто пьющие люди вызывали во мне праведный гнев. Мои друзья постепенно отстали от меня и даже, как мне сказал один злой язык, в узком кругу смеялись надо мной, говоря, что я «чокнулся» и «ударился в Бога». Однажды мне позвонила жена, плакала в трубку, говорила, что сделала ошибку и хочет все исправить, но я остался непоколебим – просто выслушал ее и попросил развода. Сынишке должно было в ноябре исполниться три года, я любил его и регулярно перечислял деньги на его содержание, но встречаться с ним не хотел, то есть не то чтобы не хотел, просто старался подавить в себе любовь к семье ради высшего, нетленного начала.

Мой духовник из Данилова монастыря укреплял мое желание отречься от мира:

– Чадо, ближние становятся нашими врагами, если мы желаем работать только Господу.

Теперь я хотел стать подвижником. Прочитав немало книг о Святой горе, я представлял себе, как спрячусь в одну из этих горных пещер, где сотни лет страдалыцы монахи несли свой крест молитвы за весь мир. Может статься, что и я стану одним из этих людей, воином Христовым, бьющимся с демонами в настоящем земном раю, превращающимся в ад во время духовных столкновений.

В своих мечтах я представлял себя сидящим на маленькой скамеечке, в рваном рубище, сосредоточенно молящимся сердечной Иисусовой молитвой. Вот слезы мои падают на земляной пол пещеры, который постепенно превращается в месиво; нетварный свет озаряет мое убо-

гое жилище, превращая его в сияющий дворец благодати. В глубине души я думал, что старец, к которому мы идем, прозрит мое великое рвение и возьмет меня себе в ученики.

Дьякон с забавным именем Африкан и с не менее забавной куцей бородкой прервал мои возвышенные размышления:

– Ваня, все, приехали – это Дафни. Пошли скорее, что-нибудь перекусим.

Мы наконец встали на святую афонскую землю, и я увидел нечто среднее между восточным базаром и монастырем. Несколько магазинов предлагали свою религиозную продукцию, и я узнал от дьякона еще одну неприятную деталь, что их хозяева – албанцы.

Затащив меня в небольшое кафе, Африкан попросил меня купить две пиццы и бутылку вина. За столом отец дьякон налил мне стакан и, увидев мое нежелание употреблять алкоголь, соорудил презрительную гримасу и настойчиво, даже гневно сказал:

– Надо чтить воскресный день, пей давай.

Пришлось согласиться, мне совсем не хотелось попасть в число нечестивцев. Выпив бокал превосходного сухого вина, я захмелел и осмелел настолько, что спросил моего собеседника:

– Отче, а почему у вас такое необычное имя?

Отец Африкан поморщился и тут же выпалил мне всю историю скороговоркой. Очевидно, этот вопрос он слышал уже не впервой, ответ знал почти наизусть:

– Понимаешь, мой игумен, еще там, в России, начитался духовной литературы и возмнил себя великим старцем, поэтому решил так помирять братию. Одного назвал Смарагдом, меня вот Африканом. – Дьякон грустно задумался и продолжил: – Хорошо, что Гадом не назвал, а ведь хотел. – Он тяжело вздохнул, и лицо его опять приняло уже знакомое мне презрительное выражение. – А у самого-то нормальное имя – Херувим.

Я уже пожалел, что задал столь бестактный вопрос, было видно, что для моего гида имя – настоящий крест. Он печально, и уже не предлагая мне, допил вино и мечтательно закончил тему:

– Ничего, приму схиму, тогда возьму себе имя Афанасий или еще мне нравится имя Неофит, в честь одного старца великого. – Дьякон неожиданно развеселился и толкнул меня в плечо: – Тебе нравится имя Неофит?

Мы пообедали и еле успели на автобус, отправляющийся в столицу Святой горы – Кариес. Само название немного напоминало мне зубную боль, но Африкан объяснил мне, что греки произносят ее название как бы с мягким знаком – Карьес, а в русских справочниках она и вовсе звучит по-азиатски – Карея. Наш старец жил неподалеку от монастыря Кутлумуш, который находился на окраине Кариеса.

...Наконец, мы вышли на узкую тропинку, ведущую к келье старца; я сосредоточенно молчал и старался не обращать внимания на болтовню Африкана, который на этот раз роптал на румын, селящихся во всех расщелинах и вместо молитвы и безмолвия ходящих по святогорским «панигирам» – престольным праздникам. Сам же мой гид не считал себя обыкновенным бродягой и постоянно подчеркивал, что несет подвиг «сиромашества» – странничества и нищеты. Я же шел и молился, чтобы Господь открыл мне мой путь. Погрузившись в мечтания, я вновь представил себя в грязном рубище, проливающим слезы за мир. Эти представления настолько меня захватили, что я прослезился и на самом деле. Африкан недоуменно просверлил меня своим острым взглядом и остановился около аккуратного маленького домика, возле которого группировались молчаливые стайки паломников.

– Все, пришли, геронта Гавриил, слава Богу, сегодня принимает.

Мы дождались своей очереди и, неловко озираясь по сторонам, вошли в келью. Это была приятная, увешанная иконами избушка. Отец Гавриил был небольшого роста, имел приятное благообразное лицо с маленькой жиденькой бородкой. Он жестом указал нам на стулья и пригласил к разговору. Африкан немного переговорил со старцем по-гречески и представил меня.

Я кивнул и решил поприветствовать отца Гавриила на родном языке. Тот оценил мою вежливость и что-то спросил. Африкан толкнул меня локтем в бок:

– Старец спрашивает, откуда ты.

– Из Москвы.

Дьякон достаточно бегло говорил по-гречески, и я уже не жалел, что нанял его как переводчика.

– Скажи старцу, что я хочу стать монахом.

Африкан передал это старцу, и они о чем-то стали переговариваться. Затем он обернулся ко мне и быстро сказал:

– Отец Гавриил спросил о твоём семейном положении, и я сказал, что ты был женат и имеешь сынишку.

– А он что?

– Говорит, что тебе лучше вернуться к жене и подымать сына.

Я не верил своим ушам!

– Что-что?! Отец Африкан, скажи ему, что у меня серьёзное намерение посвятить себя всецело Богу.

Дьякон вновь пустился в словесные рассуждения со старцем, который махнул на меня рукой, как мне показалось, с презрительным видом.

– Слышь, Ваня, старец сказал, что если у тебя на самом деле серьёзные намерения насчет монашества, то ты подождешь, пока сын вырастет, и только потом, отдав все мирские долги, ты уже можешь идти в монастырь. А если ты первое благословение принимаешь в штыки, то и потом слушаться не будешь. Прямо как я! – Африкан ткнул себе в грудь пальцем.

Я был сильно разочарован таким ответом и даже, честно говоря, принял нечистые помыслы против старца – уж не в прелести ли он? Неужели он не прозрел, как в моем сердце горит любовь к монашеской жизни? Хм? Очень странно! Взяв у старца благословение, я вышел из кельи, а Африкан остался еще посоветоваться.

– Ну и как мне сейчас поступать? – спросил я своего гида, который улыбался и, по всей видимости, был доволен своим посещением.

– Как-как, езжай домой, к жене и ребенку, старец же тебе все сказал, – Африкан положил мне руку на плечо. – Пойдем в магазин, возьмем пирожков...

– Подожди-подожди, так что, мне нельзя в монахи?

– Можно, чудак! Вырастишь детей и приезжай обратно, а я к тому времени, даст Бог, стану в Пантелеймоне игуменом. – Африкан пытался ободрить меня. – Поставлю тебя в монастыре вторым эпитропом⁹. А может быть, и первым, смотря как будешь себя вести.

Мы пошли ночевать в Андреевский скит, где нас очень гостеприимно приняли, – Африкан сказал, что при новом настоятеле здесь стали поселять всех без исключения, не спрашивая, есть ли у паломников димотирион¹⁰. Братья в скиту молодые и работают по десять часов каждый день, даже в дни, помеченные в календаре как бдение.

– Монашеская жизнь достаточно трудна, отец, – Африкан высокомерно посмотрел на меня, – так что подожди пока, поживи в миру.

Мы послушали вечерню и пошли на трапезу. Постепенно я смирился и решил принять слова старца как волю Божию.

После трапезы мы, сытые и уже довольные, двинулись на повечерие. Мы вошли в большой храм и, благоговейно крестясь, стали прикладываться к иконам. Я думал, как мне позвонить жене и примириться с ней, не теряя собственного достоинства. Улыбаясь, я вспомнил того монаха, что читал на кухне акафист Матронушке, и спросил отца Африкана:

---

⁹ Управитель имуществом в монастыре.

¹⁰ Разрешение на пребывание на Афоне.

– Неужели на Афоне никогда не было ни одной женщины?

– Что? Посмотри сюда! – Дьякон с негодованием указал мне на русскую большую икону Владимирскую. – На Афоне всегда была и будет только одна женщина – Мать Божья!

Начиналось повечерие, где, как всегда, читался параклис¹¹, и мое сердце пело вместе со псалтосом: Иперагия Феотоке, сосон имас – Пресвятая Богородице, спаси нас.

Солнце садилось за Афон, лаская лучами верхушки кипарисов, и моя душа впервые за долгое время обрела покой.

---

¹¹ Молебное пение.

Туман над Афоном

Логово дикого зверя и жилище монаха Сергия обладали рядом схожих черт. Первое сходство – удаление от других келий, другое – необжитость, третье – хозяин, подобно зверю, всегда убегал, если к нему приходили посетители. Его дикость имела своим истоком не человеконенавистничество, но великую любовь к Богу и всему живому. Подобно Арсению Великому, чьего отец Сергей имел примером для подражания, афонский монах бегал людей. Его затвор, изолируя сознание от внешнего мира, открывал ему внутренний, о котором говорил Господь: «Царство Божие внутри вас есть». Чем меньше было пространство его обитания, тем больше все существующее наполнялось духовным, необычайно богатым содержанием. Бывало, любовь Божья была ключом прямо из глубин сердца, тогда его тесная келья казалась настоящим дворцом, построенным премудростью Творца из сияющих кирпичиков благодати.

Отец Сергей полностью понимал, что такое устройство, какое он приобрел в пустыне, есть дар от Бога, и никогда не пытался никого переделать на собственный лад, зная, что люди сейчас слабы и требуют снисхождения. Сегодня мало кто мог понести пустыню; хотя почти все монахи считали, что это им под силу, мало кто отваживался на настоящее пустынножительство. В основном современные келиоты занимались больше садоводством и огородничеством. Они разводили целые сады плодовых деревьев. Матери Божьей, как было открыто отцу Сергию, не угодно было, чтобы монахи погрязали в садоводстве и других мирских занятиях. Несколько лет назад на Афоне появились даже большие вонючие жуки. Эти насекомые не боялись отравы и стали настоящим бичом келиотов. Они прилетали неведь откуда и облепляли какое-нибудь дерево или растение. Причем эти жуки наедались до такой степени, что умирали от обжорства, падая тут же, под деревом. Иногда они полностью губили посадки. Многие расценили этот факт как наказание Божие за излишнюю мирскую заботу монахов. Отец Сергей не выращивал ничего, боясь погрузиться в суету и земные попечения.

Казалось, он родился не в свое время. В современном мире даже православные монахи начали жить на мирской лад. В монастырях появились мини-электростанции, посудомоечные машины, трактора и краны для строительства. Все больше жужжали на Святой горе сотовые телефоны, облегчая контакты подвижников между собой. Вроде бы современные удобства должны были помочь монахам выкроить дополнительное время для занятия молитвой.

Но все же, хоть раньше святогорцам приходилось гораздо больше работать, чтобы как-нибудь жить и пропитать себя, тогда было больше и настоящих молитвенников. Быть может, это оттого, что раньше человек не имел таких удобств и прав, как сейчас, и всю свою надежду он возлагал на одного Творца, помогающего ему выжить во враждебной среде. Теперь каждая мирская вещь облегчает монаху жизнь, но забирает частицу веры из его сердца. Сегодня упование на Бога все больше становится простой декларацией, чем образом жизни.

Монах средневековья с детства был подготовлен к своему служению суровым образом жизни уже в миру. Правда, были исключения, подтверждающие правило, – тот же Арсений Великий. Когда он жил в императорском дворце и учил царевичей, про него говорили: никто не одевается лучше, чем Арсений; когда же он удалился в пустыню, то облачался в такое рубище, что все вокруг считали, что никто не одевается хуже Арсения.

Отец Сергей, подобно своему образцу для подражания, был в миру учителем – профессором филологии. Среди студентов он слыл добрым, но чудаковатым преподавателем. Он прекрасно знал древние языки и читал византийских отцов в оригинале. Чтение загло в нем огонь желаний пустыни. Познав святых отцов в теории, он захотел прочувствовать все и на практике.

Теория и практика – древние термины из обихода святых отцов. Но, в отличие от современного употребления этих слов, в монашестве всякой теории – созерцанию предшествует практика – делание. Профессор сменил университетские своды на тесные стены монашеской

кельи и приступил к деланию послушания. Он долго и упорно шел этим путем, пока делание не принесло свой плод – созерцание. Мы никогда не узнаем, что же точно открывалось отцу Сергию, все это знают лишь Бог и духовник. Но созерцание открыло ему настоящую веру, которую может дать только опытное познание благодати Божьей.

Пустынник принял схиму от одного старца келиота и после его смерти наследовал и келью в скиту Кавсокаливия. Эта келья святого Петра Афонского, первого отшельника Святой горы, стояла выше других, на самом отшибе и вдалеке от троп. Скитские монахи не любили пустынника за неразговорчивость, которая трактовалась как злобность и индивидуализм. Келья его густо заросла колючей растительностью, и послушников он не брал. Все поэтому злословили о нерадивости монаха. Также отец Сергий не ходил по престольным праздникам и неизвестно на что жил. Это породило слух, что он ворует еду и одежду. Причащался же он в келье отца Космы – почти такого же нелюдимого монаха, как и сам Сергий. Косма, который был иеромонахом, служил литургию, а отец Сергий пел на клиросе. Один схимник, который как-то присутствовал на их служении, говорил потом, что монахи практически между собой не общаются, а литургия у них идет более трех часов.

Когда ничего не известно о человеке, вокруг него образуется своеобразная информационная пустота, которая обычно заполняется разного рода домыслами. К счастью, люди так устроены, что охотно подмечают наши недостатки, – иначе как бы мы их замечали у себя? Также люди склонны в своем большинстве думать о других больше плохого, чем хорошего.

Слухи об отце Сергии ходили разные. Самым популярным из них был тот, что он находится в глубокой прелести. Прелесть, вообще-то, была особенным духовным состоянием, близким к сумасшествию. Прельщенный монах принимал дьявольские видения за ангельские и верил, что является святым человеком. Обычно такие люди не слушали, если кто-то пытался их в чем-то опровергнуть, и часто прыгали на скалы, пытаясь взойти на небо, как пророк Илия. Горестный конец! Иных демон подушлал повеситься или вскрыть себе вены, внушая оболыщенным, что они получают на небесах мученический венец.

Отец Сергий никому не рассказывал ни о каких посещениях и видениях и все равно обвинялся в прелести. В наше время, думал он, каждый пытающийся жить как монах терпит поношения от тех, кто не может так жить. Отшельник не осуждал своих обвинителей, понимая, что их хула гораздо полезней для души, чем почитание, от которого не было бы пользы ни ему, ни самим почитателям. Отец Сергий старался не обращать ни на что внимания и продолжал молиться в своем уединении. Однако дьявол не оставлял подвижника в покое и воевал против него со всей своей злобой и упрямством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.